Полуночный лихач

Автор:
Елена Арсеньева

Полуночный лихач

Елена Арсеньевна Арсеньева

Уже через полгода после свадьбы муж охладел к Нине. Более всего она боится, что Антон подаст на развод и отберет у нее приемную дочь. Но тут с Ниной начинают происходить совсем уж невероятные события. Началось со звонка незнакомца, который представился киллером и сказал, что ее заказал собственный муж. Испугавшись, Нина бросается за советом к подруге. Та предлагает ей поехать развеяться на дачу. Не задержись девушки в пути, они оказались бы взорванными вместе с дачей. Постепенно Нина начинает понимать, что за всеми ее бедами стоит кто-то хитрый и безжалостный, готовый пойти на все, лишь бы ее уничтожить. Кажется, единственный человек, который готов ей помочь, – врач «Скорой помощи» Николай Сибирцев. Но почему Нине кажется, что она где-то уже видела?..

Елена Арсеньева

Полуночный лихач

Часть I

Катастрофа

Мир вернулся мгновенно. Только что человек лежал во тьме, безмолвии, полном отсутствии ощущений – и вдруг кто-то словно сорвал завесу с его глаз и врубил звук на полную громкость.

Только вот беда – краски мира были слишком яркими, били по глазам до боли. Он страдальчески зажмурился при виде надвигающегося на него уродливого, огромного, глянцево-розового лица.

– О! Привет! Вот так молодец! – проревело лицо, и человек слабо шевельнул руками, пытаясь зажать уши.

Но у него ничего не вышло. Руки, чудилось, были прикованы к чему-то. Он чуть приоткрыл веки, скользнул взглядом. О господи… они до локтя обмотаны бинтами, вместо кистей образовалось нечто вроде боксерских перчаток!

– Что у меня с руками?

Голос был странным, завывающим каким-то. Обыкновенная фраза прозвучала как нечто слитное:

– Чтоумеуняусруука-ами?

– Мяу-мяу? – хихикнуло розовое лицо. – Кто сказал мяу?

Человек нервно сглотнул, не в силах справиться со страхом, внезапно охватившим его. Лицо мигом перестало насмешливо кривиться.

– Не волнуйтесь, – сказало оно спокойно, и голос больше не рвал слух. – С вашими руками все в порядке. Вы их немножко обожгли, когда… Ну, словом, обожглись вы. Сломали два ребра, на подбородок пришлось наложить швы, к тому же у вас нехилое сотрясение мозга, а в общем-то можно сказать, что вы отделались легким испугом.

Человек смотрел на лицо, которое уже не казалось огромным и страшным. Обычное лицо – довольно молодое, толстощекое, со светлыми бровями и ресницами. Над широким, умным лбом щетинился русый ежик, на котором криво сидел белый колпак. И одежда на этом незнакомце белая. Доктор, что ли?

– Я в больнице?

– Ну да, – кивнул незнакомец. – В Пятой градской, в травматологии. Пятая как раз дежурила по «Скорой», когда вас привезли.

– Не понял, – осторожно сказал человек.

– А что тут понимать? Повезло вам уникально, вот и все. Как раз когда ваш «Форд» воткнулся в тот злокозненный джип, мимо проезжала «Скорая». По заказу одного очень не бедного мужичка транспортировали из Чкаловска в Нижний, в наше ГИТО, его дочку. Девочка поехала навестить бабушку с дедушкой, да поломалась, катаясь на велосипеде. А у «Скорой помощи», оказывается, есть теперь такой вид услуг: транспортировка больных по области. Приехали они в Чкаловск, положили девулю на носилки и отправились в обратный путь. А тут вы. А тут джип. Вам за этого парня со «Скорой» надо свечку в церкви поставить. Если бы не он, вы бы, может быть, дуба дали там, на шоссе.

Больной утомленно опустил веки. Словоохотливость доктора раздражала его неимоверно! Может быть, если так полежать, с закрытыми глазами, он поймет, что больному нехорошо, и удалится восвояси? При этом желательно бы на цыпочках…

Но звука удаляющихся шагов почему-то не было слышно. Зато послышался какой-то ритмичный и довольно громкий стук.

Больной сердито открыл глаза: доктор никуда не делся – напротив, наклонился к нему еще ниже и задумчиво вглядывался, зачем-то стуча карандашом по своим крупным и очень белым зубам.

– Вы что? – раздраженно спросил больной. – Я спать хочу.

– Ага, – покладисто согласился доктор. – Сейчас поспите. Только пульсик вам посчитаем – и все.

Так как руки больного были забинтованы до локтей, доктор осторожно приложил свои толстые, теплые пальцы к вене на его шее, завел

сосредоточенно глаза, но быстро опустил руку:

– Ну, терпимо. Ровненько все, наполнение нормальное. Хорошо быть молодым, правда, Антон Антонович? Все заживает как на собаке.

Больной настороженно повел глазами влево, вправо… Никого. Да и смотрит доктор прямо на него, ошибки быть не может.

Сердце сильно забилось. Да, теперь его «пульсик» не показался бы доктору ровненьким!

– Как вы меня назвали? – спросил он настороженно.

Ему показалось или в светло-карих, даже немножко рыжеватых глазах доктора мелькнуло замешательство? Но голос его звучал невозмутимо:

– Антоном Антоновичем. А что? Вам перестало нравиться ваше имя?

Больной растерянно водил глазами по стенам, по белой ширме в углу, по завешенному белыми шторами окну. Он, безусловно, первый раз в жизни оказался в этой больничной палате и впервые видит рыжеглазого доктора. Однако воспринял все окружающее как нечто само собой разумеющееся. И даже забинтованные руки как-то не очень удивили. И даже слова о какой-то аварии на шоссе. Что-то такое забрезжило в памяти: скрип тормозов, звон разбитого стекла, грохот, огонь… И крики, крики – жуткие, душераздирающие!

Забинтованные руки нервно дернулись. Нет, не думать об этом! Слишком страшно!

Да, страшно. Но куда страшнее та зияющая пустота, которая образовалась в памяти при звуке этого имени – Антон Антонович.

– Антон Антонович, – повторил он, осторожно перекатывая во рту округлые звуки. – А дальше? Фамилия как?

– Чья фамилия? – осведомился доктор.

– Ну… – Он чуть не сказал: «Его, Антона Антоновича!» Но в последний миг спохватился и неловко выговорил: – Моя.

– Ваша фамилия Дебрский, – сообщил доктор. – А.А. Дебрский.

Дебрский?! Чего только люди не придумают!

– Извините за дурацкий вопрос, – больной смущенно хихикнул. – А вы в этом уверены?

– В чем, позвольте спросить?

– Ну, в этом… насчет А.А. Дебрского.

– Вполне. А вы, – осторожно проговорил доктор, – надо полагать, не очень? Может быть, есть другие варианты?

Больной напряженно свел брови. У него заломило лоб от усилий вспомнить, однако в голове по-прежнему было темно и пусто. Доктор начал нетерпеливо стучать карандашом по зубам, и пришлось признаться:

– Вариантов нет. Но почему-то есть ощущение, что я никакой не Дебрский и совсем не Антон.

– Ну, вообще-то я с вами раньше тоже не был знаком, – доверительно сообщил доктор. – Поэтому на все сто двадцать процентов не поручусь. Однако подруга вашей жены вас признала. И ваши сослуживцы не выразили никаких сомнений. Более того, на паспорте, который нашла в вашей квартире и предъявила Инна Леонтьевна Баброва… я говорю о подруге вашей жены, – уточнил он, предваряя готовый сорваться вопрос, – черным по белому рядом с вашей фотографией значатся эти имя, отчество и фамилия.

– Значит, он вдобавок ко всему еще и женат, – пробормотал больной.

– Кто?

– Ну этот, как его там… Дебрский.

– Совершенно верно, – вежливо согласился доктор. – Он был женат. И вы тоже.

– Был? Мы что, развелись?

– Нет. Неужели не помните?

Больной зло сверкнул глазами:

– Ну, наконец-то вы догадались, что я ни хрена не помню!

– Ничего в этом удивительного нет, – хмыкнул доктор. – Мы этого ждали. При картине такого сотрясения мозга и общего потрясения организма, какое мы наблюдали у вас, явления амнезии просто-таки сами собой разумеются! Я бы скорее удивился, если бы у вас крыша не поехала. Вы ведь еще не знаете, что в коме пробыли ровно три дня! А это вам тоже не кот начихал. Так что лежите тихо, думайте о былом и не переживайте, если поначалу обнаружите в своей памяти жутковатые черные дыры. Повторяю – это вполне типичная картина. Сейчас уже поздненько, все добрые люди должны спать, и, если захочется, вы тоже спите, не сопротивляйтесь. Надеюсь, к утру картина в вашей бедной голове несколько прояснится. Вдобавок завтра подойдут три человечка, которые, по моим расчетам, должны вам как следует помочь в святом и благородном деле восстановления памяти. Договорились?

– Ладно, – буркнул больной.

Доктор широко улыбнулся и двинулся к двери, но тотчас обернулся:

– Ах да! Вам санитарочку прислать или не хотите?

– Чего? – испуганно моргнул больной.

– Угадайте с трех раз! – хихикнул доктор. – Попикать, понятное дело. Утка вам нужна?

– Что я, до писсуара не добреду? – обиделся больной.

– Ни-ни! – Доктор угрожающе воздел карандаш. – И не вздумайте! Никаких резких движений. Потерпите день-другой, еще успеете показать себя тем суперменом, каким вас аттестует Сибирцев.

– А это еще кто? – простонал больной.

– Тот врач из «Скорой», который вас привез. Все, спокойной ночи.

Он притворил за собой дверь, из коридора донеслось:

– Утку больному из пятой палаты. Давайте поскорее. И пусть спит. Да посматривайте за ним, кто там дежурит сегодня?

Голос отдалялся, отдалялся…

Больной сердито прищурился на лампочку: «А свет-то не выключили!»

Тут свет погас. И он неожиданно для самого себя моментально уснул – точно в черную вату его завернули.

* * *

– А вам никогда не хотелось покончить с собой? – спросил незнакомый мужской голос.

Это был обычный звонок. Нина что-то делала, пыль смахивала, что ли. Нет, она пыталась добыть из-под телефонного столика закатившийся туда Лапкин мячик, не сдвинув при этом самого столика, потому что тогда посыпались бы в разные стороны заткнутые под телефон бумажки с названиями каких-то фирм, именами, адресами, датами, номерами… Антон записывал информацию на каких-то обрывках и лоскутках, хватая в качестве пишущего средства что ни попадя. Один раз, за неимением лучшего, даже вытащил из Нининой сумки малиновый контурный карандашик для губ!

Именно листочки, исчерканные вдоль и поперек торопливыми Антоновыми каракулями, она и пыталась не уронить, тянула руку между столиком и диваном, пыхтела, и вдруг прямо над головой зазвонил телефон – до того неожиданно и громко, что Нина так и села на пол. Схватила трубку и крикнула не больно приветливо:

– Да! Алло!

– А вам никогда не хотелось покончить с собой? – спросил незнакомый мужской голос.

– Что? – глупо спросила Нина.

Наверное, надо было просто бросить трубку… что она и сделала по прошествии некоторого времени.

С минуту она еще посидела на полу, сосредоточенно разглядывая завиток узора на обоях. Чушь, конечно, мало ли какого барахла наслушаешься в этой жизни, но все равно – на душе сделалось отвратительно. Вдобавок некоторые листочки все-таки выскользнули из-под телефона и улетели под диван. Нина вздохнула, отогнала неприятные мысли, встала на четвереньки, сунула под диван руку, сразу наткнулась на клубок пыли, отчего настроение у нее испортилось еще больше, – и тут телефон зазвонил опять.

Это мог быть кто угодно: дед, Антон, Инна, Лапкина английская учительница, да мало ли кто, но она почему-то заранее знала, кого услышит, когда возьмет трубку.

– Да? Алло, я слушаю…

– Так вы еще не решили? – пробился сквозь чудовищный скрежет тот же голос, и у Нины упало сердце.

– Чего? – выдохнула испуганно.

– Ну как же! Покончить с собой!

– Вы… что? Вы куда звоните? Вы… зачем?! – забормотала она, не соображая, что говорит, сама себя не слыша.

Какой-то гадкий, гнусный хулиган, надо на время отключить телефон, чтоб отвязался!

– Пожалуйста, не бросайте трубку, – сказал он поспешно. – Я вам все равно еще раз позвоню, но тут такой мерзкий автомат. Слышите, как трещит? А ведь нам надо серьезно поговорить.

– Да вы кто? – ошалело спросила Нина.

Он вздохнул так шумно, что у нее засвистело в ухе.

– Ну, как вам сказать… Вы про такую профессию – киллер – слышали? Ну так вот: я – киллер.

– Ч-что?

– Что слышали. Наемный убийца. Кличка моя – Шатун. Меня наняли вас убить. То есть вас мне заказали, попросту говоря. И вот я хотел уточнить, может, это и в самом деле совпадает с вашими тайными намерениями, как меня пытались убедить.

– Нет, – усмехнулась Нина. – Не совпадает.

Не то чтобы ей было смешно, но в острые минуты на нее иногда находило вдруг такое странное бахвальство перед миром. Сама-то она знала, что душа сжимается от страха, но об этом никто не должен был подозревать!

С другой стороны, что ей еще оставалось делать, плакать, что ли?

– Что за глупые шутки, – сказала Нина сухо. – Судя по голосу, вы взрослый человек, а позволяете себе… Вам бы к психиатру обратиться, а не ко мне. Киллер! Это же надо!

– А почему вы не верите? – похоже, обиделся он. – Что, считаете себя такой уж незначительной персоной, что вас даже никто не захочет заказать?

В этом-то и было все дело, но откуда он может об этом знать?!

– Дело не во мне. Просто вы сказали, что звоните из автомата, а разве настоящий киллер…

– А что, я должен непременно говорить по крутейшему сотовому? Одной рукой вести машину, другой стрелять, третьей держать сотовый…

Нина опять хихикнула – совершенно механически.

– Конечно, у меня нет третьей руки, – успокоил киллер. – А сотовый есть. Но известно ли вам, что можно подслушать даже разговор по сотовому телефону? А мне бы совершенно не хотелось, чтобы заказавший вас человек мог пронюхать об этом моем звонке и о нашем разговоре. Я надеюсь, у вас хватит ума-разума не трепаться об этом. Все-таки на карте ваша жизнь.

– Вам, вероятно, меня жалко стало? – спросила Нина, начиная злиться. Ну что у нее за характер такой дурацкий, ну почему она слушает весь этот бред, а не шваркнет трубку, предварительно обматерив как следует этого садиста?!

– Ну, как сказать, – туманно пробормотал киллер. – Просто я сначала взялся за это дело, а потом подумал, что меня явно норовят надуть. Короче, я недоволен деньгами, на которых мы сошлись с заказавшим вас человеком. Попытался повысить цену, а он уперся рогом – и ни в какую. Говорит, надо было договариваться сразу. Главное, понимаете, я взял аванс и уже, естес-сно, его потратил. Конечно, запросто можно замочить заказчика, но, во-первых, я тогда больше ничего не получу, а во-вторых, во всякой профессии существует своя этика, и хоть я и начинающий…

Нина растерянно огляделась. В открытую дверь ей был виден телевизор, перед которым сидела Лапка. На экране мультипликационная фрёкен Бок вприскочку шла по комнате, бормоча:

– А я сошла с ума… а я сошла с ума…

«Да нет, это я сошла с ума!» – мысленно успокоила ее Нина и устало спросила:

– Ну ладно, начинающий киллер по кличке Шатун, от меня-то вы чего хотите? Чтобы я вам приплатила за собственную смерть?

– В принципе такое могло бы случиться, если б вы и в самом деле хотели покончить с собой, но никак не решались, – обстоятельно ответил киллер. – Ну, нет так нет. Однако я думал, вдруг вы захотите перевести стрелки… в смысле, заказать того, кто заказал вас.

– А кто меня заказал? – тупо спросила Нина.

– Ну наконец-то! – укоризненно воскликнул киллер. – Я уж думал, вы никогда об этом не спросите! Ваш муж, кто же еще?

* * *

В коридоре послышалось шлепанье босых ног. Шатун положил трубку и откинулся на подушки.

– Позвонил? – спросила Кошка, присаживаясь к туалетному столику и рассеянно вглядываясь в зеркало. Вот странно, у нее после интенсивной сексуальной акробатики всегда бывал такой интеллигентно-рассеянный вид!

– Позвонил.

– И как?

– Ну как, интересно? Сплошной вопросительный знак. Вряд ли она мне поверила, – сказал Шатун, глядя, как Кошка медленно, осторожно продирается щеткой сквозь спутанные пряди. – А ты бы на ее месте поверила?

– Нет.

– По-моему, зря все это.

– Ничего не зря!

Он дернул уголком рта.

– И все-таки мне это не нравится. Скорей бы все закончилось.

– Ну, ми-илый, чего захотел! Все еще только начинается!

– Да понимаю я, – Шатун досадливо вздохнул. – Но ведь хотеть не вредно, правда? Вот я и хочу, чтобы все уже было позади и мы с тобой могли забыть об этом. Получить деньги и махнуть куда-нибудь на необитаемый остров. Как подумаю об этом – душа поет.

Кошкины глаза недоверчиво глядели из зеркала.

– Поют по пьянке, – сообщила она. – Или от счастья. Твоя душа пьяна или счастлива?

– Пьяна от счастья, – хмыкнул Шатун.

Она отбросила щетку и легким прыжком оказалась на кровати. Прижалась к нему, вытянулась во весь рост.

– Нет, правда?

– Конечно. Тебе и самой это прекрасно известно.

– Да, – кивнула Кошка, утыкаясь ему в плечо, – конечно, только…

– Только что?

– Знаешь, какое чувство всегда сопутствует любви?

– Знаю, – шепнул он, кладя ладонь на ее грудь и медленно ведя вниз. Дрожь прошла по ее телу – привычная, такая знакомая дрожь…

– Нет, не это. – Кошка отстранилась, оперлась на локоть, серьезно взглянула ему в глаза. – Это и есть любовь. А сопутствует ей – страх.

– Ты меня боишься? – воскликнул Шатун, чувствуя себя почему-то польщенным.

При одной только мысли о ее страхе его снова охватило возбуждение. А что, может быть, что-то и в самом деле есть во всех этих садомазохистских приколах? Заломить ей руки – до боли, шлепнуть – сначала слегка, потом сильнее, потом ударить по лицу, увидеть отпечаток своей ладони на ее щеке, а потом, может быть, узкий, набухающий кровью след кнута на теле… Увидеть страх в ее глазах!

Нервно сглотнув, Шатун резко опрокинул ее на спину, навалился, грубо расталкивая ноги коленями.

Она издала горлом странный, нетерпеливый звук – и между ними надолго воцарилось задыхающееся, стонущее молчание, пока два вспотевших тела не откатились друг от друга. И лишь тогда Кошка наконец договорила – хрипловатым, измученным голосом:

– Это страх потери. Страх тебя снова потерять, понимаешь?

* * *

Какое счастье, что на свете существуют видеомагнитофоны! Лапка была всецело поглощена мультяшками, и весь окружающий мир перестал для нее существовать.

Нина осторожно прикрыла дверь в детскую, потом в гостиную и только потом набрала номер Инны.

– Ты представляешь? – спросила она с нервическим смешком, услышав голос подруги. – Мне только что позвонил какой-то придурок, назвался киллером и сообщил, что Антон меня ему заказал!

– А я тебе говорила, не связывайся с этим потаскуном! – автоматически выдала Инна фразу, которая всегда болталась у нее на кончике языка, и только потом

ошеломленно протянула: – Что-о?!

– Что слышала, – вздохнула Нина. – Нет, я, конечно, понимаю, это глупость и дурацкий розыгрыш, но до того стало на душе погано…

Она не договорила, однако Инна и без того знала, что имелось в виду: Ниночке срочно потребовался психотерапевт, а лучшего утешителя, чем задушевная подруга Инночка, в природе просто не существовало. И это при том, что Инна никогда не гладила ее по головке и не разражалась слезами сочувствия. Она была прямолинейна, даже резка, порою грубовата, не затрудняла себя подбором слов, однако каким-то непостижимым образом умудрялась сказать именно то, что в данный конкретный момент было особенно необходимо Нине и что наилучшим образом приводило в порядок все ее перепутанные мысли.

Но сейчас, похоже, Инна сама растерялась. Уникальный случай!

– Какой-то телефонный хулиган, – сказала она неуверенно. – А он не говорил каких-нибудь сексуальных гадостей, а то сейчас это модно? К одной нашей сотруднице беспрестанно звонит какой-то идиот и всяко домогается ее по телефону.

– Он меня не домогался, – успокоила Нина. – Совсем даже нет. Правда, свидание назначил.

– То есть? – насторожилась Инна.

– Ну, говорит, если я не верю, то он может мне показать некоторые документы, подтверждающие… – У нее внезапно пропал голос.

– Подтверждающие, что Антон тебя ему заказал? – договорила Инна. – Письмо на бланке, да? Киллеру такому-то от гражданина такого-то, проживающего… Что за бредятина!

– Бредятина?

– Господи, Нинок, да что с тобой?! Ну сама посуди, даже при том напряге отношений, который существует у вас с Антоном, разве дошло дело до того,

чтобы тебя убивать? Существует же цивилизованный развод, к тому же милые бранятся…

– Да мы и не бранимся.

– Тем более! Ты знаешь, я Антона не выношу, всегда считала, что с ним ты здорово пролетела. Но не стоит доходить до абсурда.

– Да… – вздохнула Нина. – Честно говоря, я думала, ты за эту ситуацию уцепишься и будешь меня убеждать, что этот поганый киллер правду говорит.

– Нинок, ты… – Инна осеклась.

– Что?

– Слушай, извини, конечно, подруга, но не обратиться ли тебе к врачу? К невропатологу? Все-таки, знаешь, это ненормально, что ты так однозначно отреагировала. Любая другая женщина на твоем месте восприняла бы это как наговор на мужа, как глупый розыгрыш, в конце концов, а ты…

Нина зажмурилась.

– Инка, это ты сдурела, а не я! Я же с самого начала сказала, что это телефонный розыгрыш. А тебе позвонила, потому что на душе стало нехорошо. Это уже ты целое дело состряпала!

– Ты бы услышала собственный дрожащий голосочек – еще не такое дело состряпала бы! – обиженно сказала Инна. – Полное ощущение, что этот поганый киллер уже в дверь к тебе ломится. А что ты там говорила, какое свидание он тебе назначил?

– Сегодня в пять у фонтана на площади Минина.

– Надо надеяться, ты не пойдешь?

Опасение, звучавшее в голосе Инны, вызвало у Нины невольный смешок:

– А почему бы не прогуляться? Тем более там такая толкучка в это время, что просто невозможно кого-нибудь убить незаметно.

– Не вздумай! Ты что, газет не читаешь? Сейчас из чего только не убивают! Из портсигаров, даже из самих сигар. А еще я читала, что какого-то террориста застрелили из зонтика. Представляешь, останавливается рядом какой-нибудь мужик, начинает раскрывать зонтик, и ты падаешь мертвая.

– Погода отличная, сейчас никто не ходит с зонтиками, – успокоила ее Нина. – Да и не пойду я никуда.

– Конечно, не ходи. Кстати, а где Антон?

– В Москве. Вернется во вторник.

– А чего он там до вторника будет сидеть? Он же всегда на выходные приезжал.

– Ну, приезжал, а вчера позвонил и сказал, что задержится, потому что надо поработать с документами, в понедельник у них какая-то тусовка намечена по поводу их обсуждения, во вторник утром подписание – и он сразу домой.

Инна молчала. И вдруг Нина догадалась, о чем думает подруга. То есть она могла бы голову дать на отсечение, что Инну одолела та же подленькая мыслишка, что и ее: Антон в Москве, в случае чего, если жена погибнет, его дело сторона, у него полное алиби, как говорится, я не я, и бородавка не моя…

– Нет, это полный бред! – возмущенно воскликнула Инна. – Просто зараза какая-то! Теперь и я начинаю в это верить. Ну вот ты скажи: у Антона есть хоть одно основание для того, чтобы с тобой разделаться? Отбросив все эти мещанские домыслы насчет дележа квартиры. Как поменяли вы две своих на эту одну, так и разменяетесь в случае чего. К тому же он человек не бедный, ему вообще новую квартиру купить куда проще, чем какому-нибудь начинающему адвокатику.

«Начинающим адвокатиком» была Инна, и Нина прекрасно знала ее мечту о хорошей, просторной квартире. Пока же подруга ютилась в однокомнатной, то и дело затопляемой верхними жильцами клетушке на первом этаже панельного дома в Гордеевке.

– Да вроде бы никаких таких особенных оснований нет, – подумав, сказала Нина. – И если мне кажется, что у него появилась другая женщина…

– Другая женщина?! – Инна ахнула так, что у Нины гулко отдалось в ухе. – Ты соображаешь, что говоришь? С чего ты взяла?

– Ну, с чего? – невесело усмехнулась она. – С ночей, как ты понимаешь.

– Ой, погоди, – Инна тяжело, взволнованно дышала в трубку. – Погоди, это не телефонный разговор. К тому же тут у меня народ под дверью. Слушай, ты как насчет развеяться сегодня? Я все равно собиралась на дачу, поехали вместе, а? Бери Лапку, купим по пути хорошего коньячку, растопим камин, расслабимся, а потом поговорим нормально. А завтра в лес сходим, прикоснемся душой к природе и всякое такое. Поехали, а?

– Ну давай, – растерянно сказала Нина, которая всегда чувствовала себя неуютно, когда приходилось вот так, с бухты-барахты, принимать решения. – Я, правда, хотела завтра стирать…

– Постирай сегодня, – скомандовала Инна. – Какая разница? У тебя еще полдня. Устираться можно.

– Ну ладно. Тогда я чего-нибудь куплю, до базара добегу, что ли.

– Никуда не ходи! – жестко велела Инна. – Все купим по пути. Я заеду не позднее шести. И не вздумай мне сбегать на это дурацкое свидание, к фонтану, поняла? К тому же все это бред, никакого киллера не существует в природе. О! – вскричала она радостно. – Я поняла! Просто кто-то захотел подлянку Антону подложить, какой-нибудь его конкурент, а мы, две дуры… Ну ладно, Нинок, до вечера, а то меня сейчас клиенты на части разорвут. Все, пока!

– Пока, – сказала Нина гудкам в трубке.

Пока-то пока, но теперь в голову полезло всякое… Нет, конечно, она понимала, что это чушь, Антон не может хотеть ее смерти, не настолько уж далеко зашли сложности в их отношениях, а уж для Лапки, учитывая ее прошлое, это будет

такой удар, от которого девочка не скоро в себя придет. Да и вообще – Антон, с его мягкой замкнутостью, с этими его проблемами на работе… Вот о чем он думает, а вовсе не о том, чтобы избавиться от надоевшей супруги! Но что-то больно быстро она мужу надоела: чуть больше года назад поженились, и вот уже на горизонте замаячил какой-то киллер.

«Все-таки я поразительная кретинка, доверчивость на грани идиотизма, – даже не зло, а с привычной тоской подумала Нина. – Этак мне могли с успехом позвонить и сообщить, что через полторы минуты, ну, не знаю, на соседнюю крышу высадятся злобные марсиане и начнут всех убивать, – и я бы поверила? Хотя в марсиан, пожалуй, не поверила бы… А в то, что Антон задумал меня прикончить?! Интересно, кому из его врагов или конкурентов известно, что жена у него – безмозглая, доверчивая истеричка? Это ведь лучший способ уничтожить человека – сказать жене такую гадость! И вообще – ищи, кому это выгодно!»

Она немножко посидела и подумала, кому может быть выгодно рассорить ее с Антоном. Вообще-то прежде всего Инке, потому что она Антона на дух не переносит. Взаимно, кстати. Да и было из-за чего, ведь их знакомство…

Нина подавила смешок. Как-то неудобно в минуты таких судьбоносных, трагических размышлений сидеть и хихикать, но просто невозможно было удержаться.

Нина с Антоном тогда уже вместе жили, хотя свадьбу еще не сыграли, Лапка вовсю звала ее мамой – словом, все шло замечательно, как всегда бывает в начале всякого чувства (правильно сказал великий Тургенев: «Только утро любви хорошо!»), и Нина сочла, что пора представить любимого, так сказать, человека лучшей подружке. Пригласила Инку на ужин, сделала мясо под сыром, печеные яблоки, положила шампанское в морозилку – все как надо.

Антон задерживался: позвонил, что завернет в автосервис, чуть-чуть поправить крыло.

Нина заволновалась: он вообще-то ездил осторожно, но иногда, словно забывшись, так мог вдруг понестись!

– Ничего страшного, – сказал Антон. – Дикая произошла история, сегодня какая-то истеричка на меня на светофоре налетела. Мало что врезала по крылу консервной банкой, так еще и обрызгала дезодорантом, прямо в глаза, ты представляешь?

Нина не поверила своим ушам:

– То есть как?!

– Да вот так, – сердито отозвался Антон. – Глаза у меня красные, как у дьявола, и, если честно, я не в настроении встречаться с твоей подружкой. Нельзя ли эту встречу перенести хоть на завтра?

«Но я уже все приготовила…» – хотела сказать Нина, и как раз в эту минуту позвонили в дверь.

– Слышу, слышу, – мрачно сказал Антон (звонок у них был такой, что во всех соседних квартирах отдавался, не то что в телефонной трубке). – Ладно, общнемся, черт с ней, но имей в виду, я задержусь. Начинайте там без меня.

С первого взгляда Нина поняла, что подружка, как и муж, сильно не в духе. То есть такой вздрюченной она Инку давненько не видела – пожалуй, с того самого времени, как та вернулась в родной Нижний, потеряв в Москве свою великую любовь (этот гад, разумеется, оказался женатиком, вдобавок с ребенком!) и оставшись совершенно на бобах. Потом жизнь, как водится, залечила сердечные раны, Инна вновь стала той же заводной очаровашкой, какой была всегда. Но сейчас, увидев эти сведенные к переносице брови, раздраженный взгляд и страдальчески-злобный, просто-таки ведьминский оскал, Нина откровенно струхнула.

– Привет, – буркнула Инка. – Ну, где твой?

И окинула прихожую заведомо пренебрежительным взглядом.

– Он опаздывает немножко, только что звонил, – кротко ответила Нина, пытаясь смягчить суровую подругу. – Познакомься для начала с Лапкой.

Инна постаралась сменить на улыбку судорогу, которая так и сводила ее лицо. Пожалуй, это ей не очень-то удалось, потому что Лапка, доверчиво выскочившая в коридор, мгновенно начала дичиться, вцепилась в Нинин подол и спряталась за ее спиной, нипочем не желая «дать тете Инне ручку», а тем более – «поцеловать тетю Инну в щечку».

– Да ладно, отпусти ребенка, – смилостивилась Инна. – Дети – они ведь жутко чувствительны, девчонка просто понимает, что я сейчас убить кого-нибудь готова, а не лизаться. Ну и денек был, я тебе скажу! Как по заказу дьявола!

Нина вздрогнула от вторичного поминания врага рода человеческого за столь короткий срок. Лапка с облегчением убежала к своим мультикам, а подруги пошли на кухню.

Инна вдохнула вкусные запахи, доносившиеся из духовки, благосклонно кивнула своим любимым печеным яблокам, а когда увидела замороженную бутылку шампанского, даже соизволила улыбнуться.

– Кто не успел, тот опоздал, – сказала она, жадно хватая бутылку. – Надеюсь, твой меня простит, но жутко нужно расслабиться! В твоих же интересах мне налить, чтобы я его приняла благосклонно!

– Да что случилось-то? – почти испуганно воскликнула Нина, проворно подставляя бокалы под пенистую струю: Инна всегда открывала шампанское так, словно боролась с личным врагом – или ты его, или он тебя. – Ты чего такая заведенная?

– Да нашелся добрый человек, завел…

Она сделала несколько торопливых глотков, минуточку посидела молча, наслаждаясь послевкусием, и, выдав свое традиционное: «Лучше шампанского может быть только шампанское!» – наконец-то начала рассказывать:

– Иду, представляешь, с работы, радуюсь грядущей встрече с любимой подругой и ее, пардон, мужем. Смотрю, на углу в ларьке продают болгарский абрикосовый компот в железных банках – ну в точности такой, как мы когда-то ели, еще в институтские годы, такие красно-оранжевые большие абрикосы на этикетке нарисованы. Помнишь?

– Конечно, помню, – ностальгически проглотила слюнки Нина. – Я этого компота уже сто лет не видела.

– Я тоже. Ну, думаю, куплю. К шампанскому будет в самый раз. А возле вашего дома возьму мороженое… Вообще оторвемся, как бывало.

Нина опять проглотила слюнки.

– Купила я абрикосы, – продолжала Инна, – иду дальше. И вот перекресток. Перехожу дорогу строго на зеленый свет, ты ведь знаешь мои принципы, и вдруг из-за поворота сворачивает какой-то хрен на иномарке и прет прямо на меня. Что характерно, я видела: он не включал сигнала. Просто так ему в голову взбрело: хочу повернуть! И он повернул. Я замерла, думаю, проезжай, фак с тобой. А он, главное, такой широкой дугой идет, чуть ли не на встречную полосу, и вижу, ну прямо на меня метит наехать, то есть на то место, где я стою. И что характерно, не на дорогу смотрит, а что-то ищет на заднем сиденье. Или у себя на спине. Блохи его там кусали, что ли, не знаю! То есть непременно он меня сейчас зацепит! Я как рванула вперед, и в этот момент он башку задрал, увидел меня и тоже резко влево – р-раз! И мы с ним встретились, как старые друзья.

– Он тебя сбил?! – в ужасе выдохнула Нина.

Инна нервно проглотила шампанское, отставила опустевший бокал и хрипло (все-таки вино было из морозилки!) сообщила:

– Честно? Нет. Но почти сбил. Еще секунда – и… А так что получилось? Я шарахнулась от него и подвернула ногу. И шлепнулась. Он затормозил впритык ко мне, выскочил – конечно, морда белая, глаза на лбу. Мне надо было, дуре, изобразить беспомощную жертву аварии, потому что, судя по виду, мужик с деньгами, с таких можно содрать кругленькую сумму за ущерб. Вон как Сашечка Жданова – я тебе рассказывала? Она ведь за свою сломанную ножку две тыщи выкачала, то есть не сама, поскольку лежала в бесчувствии, но с ней в это время Галка Старостина была, она и постаралась для лучшей подружки. Но я сплоховала.

– А дальше? Дальше что?!

– Ну, что? – Инна со вздохом потянулась к бутылке. – Мы начали вести оживленную светскую беседу. Он мне говорил, что нельзя так кидаться под колеса движущегося транспорта, а я ему – что надо включать сигнал поворота и не задницу себе чесать, когда едешь, а на дорогу смотреть. Да ведь ты сама упала, говорит он наконец. То есть к тому моменту мы уже настолько сблизились, что на «ты» перешли. А я говорю – ну с какой бы радости я падала, если б не старалась спасти свою жизнь от тебя, лихача поганого?! Словом, много чего я ему сказала, – Инна усмехнулась. – Ты же знаешь, я умею сказать …

Нина кивнула. Да уж!

– В результате он послал меня на три, а может, и на четыре буквы, опять сел за руль и дал по газам. А я как лежала на дороге, так и лежу! Вернее, сижу. Ну, понятно, он начал меня объезжать, но как?! Вон, можешь в прихожей посмотреть – на полу плаща наехал, там до сих пор отпечатки протектора, уж не знаю, как отстираю теперь. Тут уж я вообще сделалась в полном ауте, вскочила, выхватила из сумки новый, только что купленный дезодорант… а у него окошко было приоткрыто…

– Что?!

– Что слышишь! – победительно тряхнула Инна своими роскошными черными кудрями. – Ка-ак фукнула в него! Прямо в рожу! А это был «Fa» – жутко едкий! Он заорал, схватился за глаза, а я смотрю – мать честная! Банка-то наших абрикосов валяется вся покореженная! Прямо в гармошку собралась. То есть он, гад, и на наш компот наехал. Ну, я подобрала эту несчастную железяку да еще саданула ему по крылу от всего сердца. И гордо удалилась. Уж не знаю, что там дальше было – села в трамвай и уехала к тебе.

Инна допила второй бокал и глубоко вздохнула:

– Ну вот, немножко получшало. А ты чего так зажалась? Да плюнь, не переживай. Я все-таки жива, а компот – ну, в другой раз абрикосового компотику попьем. И знаешь что? Если твой задерживается, давай уж сами поедим, а то у меня от переживаний аппетит разразился – спасу нет. И вообще, мясу вредно перестаивать в духовке.

Нина вскочила. Противень, чудилось, сам выскочил из духовки. Тарелки и вилки просто-таки летали в ее трясущихся руках. Сейчас хотелось одного: как можно скорее накормить Инну и выпроводить. Конечно, может быть, это совпадение, просто совпадение, она твердила это слово, как молитву, но в глубине души знала: таких совпадений не бывает. Не бывает!

А Инна, как назло, выговорившись, почувствовала себя настолько лучше, что жаждала неторопливого общения с подругой. И, похоже, решила сидеть хоть до полуночи, но дождаться-таки этого загадочного Антона, который до такой степени заморочил Ниночку, что она связалась с ним, вдовцом с ребенком, буквально приплясывая от восторга, да еще совершенно искренне считая, что это не она осчастливила Антона, а он ее. Слава богу, хотя бы пообещала оставить прежнюю фамилию – Крашенинникова, не стать после свадьбы жуткой Дебрской!

Время шло. Шампанское слабо шипело на донышке бутылки, мясо занимало теперь меньшую часть противня, печеных яблок не осталось вовсе, а Лапку уложили спать. Инна же все не уходила. И она дождалась!..

В дверь позвонили. Нина вздрогнула, испуганно оглянулась на подругу. Та оживилась:

– Твой? Ну беги, открывай. Да не переживай ты так, даже если он мне не очень понравится, я и слова не скажу!

«А вот это вряд ли», – с тоской подумала Нина и, полная самых мрачных предчувствий, потащилась в прихожую.

В следующее мгновение она вполне могла бы встать в позу, как тот несчастный Хосе, и, прижав ладонь к сердцу, пропеть: «Предчувствия меня не обманули!»

Впрочем, на нее все равно никто не обратил бы внимания. Застывший в дверях Антон и выскочившая в прихожую Инна не отрывали друг от друга взоров. При этом оба одновременно сделали два очень характерных жеста: Антон вскинул ладонь к покрасневшим, обожженным глазам, как бы защищаясь, а Инна воинственно занесла руку, словно собираясь метнуть в вошедшего что-то тяжелое… консервную банку с абрикосовым компотом, к примеру!

– Та-ак… – выдохнул, наконец, Антон и, не раздеваясь и не разуваясь, промаршировал в комнату.

Все, что он сказал, это сдавленное «та-ак». А Инка сдержала обещание: ни словом не обмолвилась. Стиснув губы в тонкую злую линию, напялила плащ, на подоле которого и впрямь отпечатался черный, масляный след протектора, сунула ноги в туфли и, даже не взглянув на бледную, перепуганную Нину, вылетела за дверь.

Да… немало прошло времени, прежде чем Антон с Инной если и не стали друзьями (это было просто немыслимо!), то хотя бы начали вести себя друг с другом как цивилизованные люди. Причем Антон быстрее сменил гнев на милость, он вообще был отходчивым, а злопамятная Инка просто на стенку лезла, поняв, что не может разлучить подругу «с этим мерзавцем». И если Нина все-таки вышла замуж за Антона, то сделала это не только ради Лапки, а именно благодаря Инне. Вернее, вопреки – потому что та была категорически против этого!

Кстати сказать, Нина и женщиной стала благодаря подруге – как ни дико это звучит.

* * *

Вот ведь всегда, когда спешишь, черт непременно сунет палку в колесо! Причем натурально – если не палку, то осколок или неведомо что. Но когда Шатун тронулся с бензозаправки, машину как-то странно начало вести вправо.

«Колесо спустило, что ли?» – подумал он, осторожно подруливая к обочине. Выскочил, глянул – и даже присвистнул потрясенно.

Ничего себе, спустило! Проколол где-то!

На мгновение его обдало жаром: а если в багажнике не окажется запаски? Или домкрата? Или ключей? Бог ты мой, да как же он мог ринуться на дело, не проверив багажник чужой машины?! Тем более что последние дни все вообще шло как-то вкривь и вкось, столько задуманного сорвалось… Если сорвется и сегодняшнее дело, на всем дальнейшем можно поставить крест. Это будет ему

как бы знак: сойди с пути, парень, не твое это занятие, не по себе ношу выбрал.

Уже почти разуверившись в удаче, он открыл багажник и испустил громкий вздох облегчения. Есть запаска! Лежит, и даже в чехле, некогда белом, а теперь, как бы это помягче выразиться, утратившем первоначальный цвет. Ак-ку-ра-ти-сты, с ума сойти!

В его собственном автомобиле запаска в багажнике тоже хранилась в таком же чехле, только в темно-синем, и ничего дурного в этом он никогда не видел. А здесь почему-то разъярился. Хотя надо было благодарить неведомого «чайника», который озаботился на все случаи жизни. Вот и домкратец, и набор отличных ключей и гаек. Ну, хватит пнем стоять, надо работать, время-то идет!

Никто и никогда не поменял колесо, не произнеся при этом хоть раз магическое слово «бляха-муха». Вокруг него этих самых мух кружила уже целая стая, или чем они там летают, мухи? Роями? Ну, значит, кружился рой. Шатун никак не мог упереть домкрат, перчаток почему-то не оказалось, он ободрал пальцы. И колпаки на этой кретинской «Волге» были привинчены наглухо, не отодрать, а отвертки не нашлось… Словом, с него сошло семь потов, прежде чем дело было сделано, не меньше часу потерял! А ведь ему еще ехать, да там возиться, да возвращаться, да машину на место ставить.

И тут Шатун увидел, что на противоположной стороне дороги обосновался неведомо откуда взявшийся гаишник (термин устарел, конечно, но ведь просто язык не поворачивается назвать ни в чем не повинного человека гибэдэдэшником!) и с интересом смотрит, как он корячится с колесом. И вид у него при этом такой, словно он не хочет мешать, однако только и ждет, чтобы поближе познакомиться с косоруким автолюбителем.

Шатун даже зажмурился, словно надеясь, что откроет глаза, а инспектор растаял, будто призрак. И у него пересохло во рту, когда и впрямь обнаружил только белую с синей полосой «волжанку», а человека в форме – не было. Через минуту он понял, что мент не растаял в предзакатном мареве, а просто ринулся за легкой жертвой: какая-то несчастная «Газель» чадила так, словно работала на мазуте.

Облегченно вздохнув, Шатун пошвырял кое-как инструменты в багажник, скользнул в кабину и дал по газам. Но тут же умерил прыть: впереди предстояло

пройти еще два поста ГИБДД, а рисковать ему нельзя.

Был вечер пятницы, из города тянулась вереница машин: народ ехал на дачи. А ведь уже сентябрь. И не сказать, что жаркий. Эти упертые селяне… Ну, еще пенсионеров можно понять, им все равно делать нечего, а те, кто помоложе?

Наконец он свернул на проселок, и после недолгой тряски впереди показались домики деревни.

Шатун въехал в загодя примеченную рощицу. Взял с заднего сиденья сумку, открыл. Вот и маскхалат! Он с трудом с брезгливой гримасой, сводившей челюсти, натянул на джинсы какие-то жуткие брюки, застегнул поверх куртки подбитую поролоном линялую рубаху. Ого, вылезет ли он вообще из машины, такой раздобревший?! Нахлобучил кепку на уши, передергиваясь от прикосновения длинных, нечесаных прядей, подклеенных с изнанки кепки и ниспадавших чуть ли не на плечи. Хоть ботинки – последняя деталь маскировки – и были сорок последнего размера, в кроссовках засунуться в них он не мог при всем желании. Пришлось просто надеть еще одни носки. Они оказались без резинок и живописно свисали из-под коротковатых брючин.

Гадость, конечно, однако несомненно: люди скажут, что возле дома крутился какой-то распатланный, неопрятный жиртрест, типичный бичара. Как ни отвратителен этот облик, но именно в таком виде можно чувствовать себя наиболее безопасно, потому что такие, как он, – теперь более чем типичные прохожие на улицах наших городов и сел и не вызывают у встречных никакого другого желания, кроме как обойти их по самой широкой дуге.

Шатун еще проверил, не видна ли «Волга» из-за деревьев, а потом, успокоившись на этот счет, побрел по дороге, держа руки в карманах и волоча ноги. Это уже была не маскировка, а необходимость: чтобы не спадали брюки и ботинки.

Расхлябанной походкой он прошел через деревню. Улица была пуста, зато во всех окнах уже горел свет, печки дымили, коровы мычали, пахло жареным салом. Идиллия! Очень захотелось есть… Но эти радости быта пока не для него!

Единственным встреченным прохожим оказался мужик, который еле передвигал ноги и держал перед собой, как драгоценный приз, бутылку с «Рябиной на

коньяке».

Теперь захотелось не только есть, но и выпить, пусть даже вот этой гадости. Но уж нет!

Шатун свернул в проулок. Дом под зеленой крышей стоит на отшибе, под горкой. Ишь ты, люди с фантазией строили! Затейливый фасад с деревянными балясинами, изображавшими колонны, деревянный балкончик. На таком балкончике чаи хорошо гонять. Какой фасонный домик!

Был…

Замок, как его и предупреждали, открылся на диво просто. В доме сыровато, стыло. Конечно, уже пора подтапливать, а здесь, похоже, давно хозяев не было. Он обошел комнаты, с некоторым сожалением глядя на добротную мебель. Живут люди, что и говорить! Не во всякой городской квартире такую обстановочку встретишь.

На кухне он нашел банку тушенки, открыл ее и съел всю – даже не вилкой, а ложкой, давясь от невероятной жадности, прямо без хлеба. Белый свиной жир стал в животе холодным комом. Хорошо бы чайку сейчас, но уж не до баловства. Мало ли какие могут быть накладки! Надо поторапливаться.

Шатун отсоединил баллон от плиты и, кряхтя, стащил его в подвал. Подвал пустой, здесь продукты не хранят. Вот и хорошо, убытку меньше.

Он отвернул кран, прислушался к зловонному шипению. Поставил баллон таким образом, чтобы тот находился прямо под центром первого этажа. Вылез из подвала, но крышку закрывать не стал: чего зря корячиться? Все равно ведь…

Нашел в кухонном шкафу электроплитку, включил. И телевизор включил, заглушив звук, чтобы не привлекал любопытных. А то еще решит какая-нибудь соседка заглянуть. Не надо лишних жертв, совсем не надо! Он воткнул в розетку вилку рефлектора. Ну, что еще? Вроде все.

Запах газа уже чувствовался. Хорошо бы никого не оказалось на улице, а то будет очень смешно, если он тут задержится – и… Сколько минеров взлетало на

собственных минах! Не хотелось бы, нет. А впрочем, еще рано, не меньше часа должно пройти.

Пусто, отлично. Вообще эта деревня просто-таки создана для совершения заказных убийств! Нет, вон кто-то идет, качается, вздыхая на ходу. И это не бычок, как можно было подумать, – тот же самый алик! То есть рябиновку уже употребил – прижимает к груди, как любимого человека, «Кагор». Правильно, братан, выпей церковного на помин!

Теперь хотелось одного: убраться отсюда как можно скорее. Шатун торопливо переоделся и погнал машину на полной скорости.

Десять километров от деревни до шоссе показались необычайно длинными. Быстро темнело. Встречных машин не было – это глухая дорога, поэтому Шатун врубил дальний свет.

Новенькая «Лада» стояла у обочины. В освещенном салоне на заднем сиденье клевала носом девочка, около открытого капота, зябко обхватив себя за плечи, стояла высокая женщина; еще одна склонялась над мотором, оттопырив аккуратненький задок.

Он издевательски посигналил и промчался мимо на всех парах. Вот будет хохма, если его остановят и попросят помочь…

Облегченно вздохнул, выбравшись на опустевшее шоссе. Его в принципе раздражали бабы за рулем. Гонят, вылупив глаза, думают, что им все должны дорогу уступать, а если поломка, тут же выстроится очередь автоджентльменов. Но ведь и при пешем передвижении не всякий мужчина уступит даме путь, не всякий тяжелую сумку поднесет, что же говорить о дороге, которая уравнивает всех: мужчин и женщин, асов и «чайников», а иногда даже – живых и мертвых…

Ну, вот и шоссе. Теперь уже скоро все кончится. Шатун перевел дыхание и только теперь понял, как устал.

* * *

Они дружили с детского сада. И в первый класс пошли, держась за ручки. В школе вообще были неразлучны; потом, когда Инна поступила на юрфак, а Нина в педагогический, виделись, конечно, реже – у каждой появились какие-то новые дружбы, но все равно: Нине никто не смог заменить Инку! Хоть не каждый день, но несколько раз в неделю они встречались обязательно.

Правда, однажды им пришлось расстаться, пока бедная Инка играла в эту свою несчастную великую любовь… Дорого далась ей попытка подчинить себе мужчину! Инна ведь была рождена повелевать людьми. Или Нине просто так казалось, потому что Инна всегда повелевала ею?

Сколько Нина помнила, подруга делала с ней что хотела. Мама даже злилась: «Неужели ты не видишь, что Инка лепит из тебя свое подобие? Ты совершенно потеряла с ней индивидуальность!»

Нина или угрюмо отмалчивалась, или дерзила, но думала при этом: «Невозможно потерять то, чего никогда не имела!»

Конечно, ей всегда хотелось походить на Инну – такую изящную, такую яркую, оригинальную. Инна мгновенно становилась душой любой компании, в которую попадала. Уже через минуту можно было подумать, что всех этих людей она знает с пеленок, а они все с пеленок влюблены в нее. Доходило порою до нелепостей. Если вздумывалось пошутить Нине, в ответ в лучшем случае кто-нибудь рассеянно улыбался, а остальные просто не слышали ее неуверенного голоса. Но когда эту же самую шутку через минуту повторяла Инна, вокруг воцарялась полная тишина, которая тотчас взрывалась буйным хохотом. К каждому ее слову прислушивались, каждой остроте смеялись, каждую выходку поддерживали. Парни из кожи вон лезли, силясь привлечь ее внимание, девчонки откровенно завидовали, но тоже ничего не могли с собой поделать: подпадали под власть Инниного очарования.

Многие хотели бы занять при ней место ближайшей подружки, потеснив Нину, надеясь, что отблеск Инниного очарования падет и на них. Ох, как переживала тогда Нина! Ревновала до отчаяния, до слез! Но все эти «задушевности» у Инны были ненадолго. Новые привязанности очень быстро иссякали, и тогда в квартире Крашенинниковых вдруг раздавался звонок.

– Здрасьте, Надежда Иванна (или: «Здрасьте, Степан Степаныч!» – если трубку брал отец)! – резонировал на всю комнату певучий Инкин голосок. – А Нинок дома? Можно ее?

– Сейчас, – сухо отвечали родители и комментировали, передавая Нине трубку: – Возвращение блудной подруги! Сейчас начнешь закалывать жирного тельца или немного погодя? Да есть у тебя гордость, в конце концов?!

Гордость у Нины, наверное, была… Только в малом количестве. Ровно в таком, чтобы буркнуть: «А, это ты. Привет!» Вслед за этим гордости приходилось заткнуться, впрочем, самой Нине тоже, потому что Инка обрушивала на нее бурный поток информации о том, где была все это время, что делала, какие все эти девчонки «и-ди-от-ки, ну просто клиника, я умирала с тоски, ей-богу!». Потом следовало приглашение «прошвырнуться по Свердловке» (позднее, после переименования улиц, «прошвырнуться по Покровке»), или съездить на Щелковский хутор на пляж, или смотаться на дискотеку, или просто причалить в гости… И уже через минуту, стыдливо пряча глаза, Нина бормотала: «Ма, я в девять буду дома, ну в десять, край!» – и хлопала дверью, отрезая возмущенные мамины речи и тяжелое, недовольное молчание отца.

«Как же они не понимают, Инка ведь всегда все равно звонит мне, она ко мне возвращается, значит, только я ей нужна! Ведь нас даже зовут практически одинаково!» – твердила она про себя, сломя голову несясь к месту встречи, отгоняя ехидную реплику одной из отставных Инниных подружек, которая куснула ее за самое больное: «Нашей яркой Инночке очень к лицу чужая бесцветность! А мне совершенно не хочется всю жизнь быть чьим-то фоном».

Нина сознавала, что была именно таким фоном, а поделать с собой ничего не могла. Инна превосходила ее во всем: как бы и ничего не изучая, была практически отличницей в школе, потом играючи сдавала сессии и если не шла на красный диплом, то лишь потому, что сама не хотела. А Нина тянулась в твердых середняках. И если писала, к примеру, совершенно без ошибок, что было фантастикой на их расхлябанном худграфе, то старалась скрывать эту свою способность от остальных – чтоб не завидовали… Она не любила, когда ей завидуют, она ненавидела чужое унижение – неизбежное следствие зависти. А еще не переносила жалости к себе.

Только Инке дозволялось говорить с покровительственными нотками: «Нинок, бедный, что же ты сделала со своими волосами, ну неужели ты не видишь,

дурочка, что тебе совершенно нельзя так стричься? Ты же все-таки какая-никакая, а художница!» Почему-то от Инки она готова была снести все!

И так длилось до тех пор, пока однажды после очередного Инниного исчезновения, стоившего Нине и слез, и бессонных ночей, и угрюмой раздражительности по отношению ко всему миру, вдруг не раздался тот телефонный звонок:

– Здрасьте, Надежда Иванна! А Нинок дома?

Мама с оскорбленным видом передала Нине трубку и ушла на кухню. Отец сложил газету и побрел за ней. Они не хотели в очередной раз наблюдать дочкино унижение, не могли снова видеть, как на ее лице расцветет эта глупая, счастливая, покорная улыбка…

– Честное слово, я бы легче пережила, если бы ты принесла в подоле, чем видеть, как пластаешься перед этой маленькой бездушной змейкой, – с неожиданной, совершенно не свойственной ей грубостью как-то сказала мама, но эти слова, разумеется, просвистели мимо Нининых ушей.

– Нинок, это ты? Привет, как жизнь? – протараторила на одном дыхании Инна и, не дожидаясь ответа, выпалила: – Знаешь, я ведь звоню проститься.

– То есть? – изумилась Нина. – Ты куда-то едешь?

– Уезжаю. Нинок, я уезжаю! Навсегда! С мужем!

– С ке-ем?

– Ой, Нинок, – не то вздохнула, не то всхлипнула Инна. – Тут такое… Я люблю его, люблю! – В ее голосе отчетливо зазвенели слезы. – Прости, извини, я должна была раньше сказать, но надо было решать немедленно. Нинок, у нас поезд через двадцать минут, я уже с вокзала… – Она не договаривала слов. – Ты моей тетушке позвони потом, скажи, что я уехала, но ей напишу, и тебе напишу, все объясню. Нинок, я бы никогда не поверила, что такое бывает!

Сбивчивая речь оборвалась истерическим смешком, словно Инна вдруг устыдилась этого своего задыхающегося, набрякшего слезами голоса, этой почти бесстыдной, такой не свойственной ей откровенности, и какое-то время Нина слышала только, как в висках стучит ее собственная кровь, а потом Инна вдруг пропела, отчаянно фальшивя:

– Вот и все, я звоню вам с вокзала, я спешу, извините меня!

И бросила трубку.

Еще мгновение Нина стояла, тупо глядя на телефон. Потом, ахнув, сорвалась с места – и вылетела за дверь, чисто автоматически успев сорвать с гвоздя куртку. Она была в халате и в тапочках, но заметила это только в маршрутке, когда народ начал очень уж откровенно пялиться. Еще хорошо, что тапочки были не шлепанцами без задников, а то она потеряла бы их, пока летела от дома к остановке.

И что? Ну, потеряла бы! И дальше побежала бы босая. В ту минуту ее ничто не могло остановить.

Из-за позднего времени улицы были пусты, и маршрутка домчалась до вокзала в рекордный срок: за пятнадцать минут вместо обычного получаса. Единственный состав, «Ярмарка» в Москву, стоял у первой платформы, да еще где-то на задних путях с Кировской стороны маячила полупустая электричка.

Нина заметалась по платформе, пытаясь заглянуть в один вагон, в другой… Вдруг ей почудилось, что впереди мелькнула точеная Иннина фигурка, сверкнули в тусклом свете, падавшем из занавешенного окошка, ее лоснящиеся, тугие кудри. Со всех ног она бросилась туда, но в это время грянуло из репродукторов «Прощание славянки» – и Нина увидела только красные огоньки последнего вагона.

Уехала… Инна уехала! С кем, куда?!

У Нины подкосились ноги, она качнулась – да так и села бы на мокрый, политый недавним дождем перрон, если бы ее не поддержала под локоть невысокая толстушка с пышно взбитыми волосами, остро, сладко пахнущими лаком.

– Да ладно тебе! – сказала она густым голосом, и запах перегара мгновенно заглушил навязчивый аромат лака. – Ни один мужик не стоит того, чтобы из-за него вот так мучиться.

– Что? – тихо спросила Нина.

– Что слышала. Я ведь видела, как ты металась. Уехал, да? Все они сволочи. – Она невесело усмехнулась. – Прописная истина! Но каждая рано или поздно постигает ее на собственном опыте. Все мужики сволочи! – вдруг выкрикнула она срывающимся, пьяным голосом.

Кто-то расхохотался над самым Нининым ухом.

– Девушка, уверяю, вы ошибаетесь, – послышался веселый голос. – Если хотите, я попытаюсь вас в этом убедить.

– Как? – угрюмо буркнула толстушка. – Женишься на мне, что ли? Он тоже все говорил: женюсь, женюсь, а потом взял да уехал. У меня, говорит, жена в Москве и двое детей, а если я с тобой потрахался в течение месяца, так с кем не бывает?

– А я холостой, что да, то да! – Кряжистый парень, подбоченясь, нарисовался напротив. – Но жениться пока еще не собираюсь, честно скажу. Поэтому на большее ты не рассчитывай, а если хочешь весело провести время, то пошли. И вы, девушка, пойдемте, у меня друг в машине.

Он подхватил Нину под руку, но та брезгливо отшатнулась.

– Да вы что?! – крикнула она истерически, уже не в силах справиться с рыданиями. – Вы что, за кого вы меня…

– Да ладно выёживаться, – просто сказала толстушка, нервными движениями взбивая свои и без того дыбом стоящие волосы. – Пошли, общнемся с ребятами, вернем уважение к себе. Ну, уехал – что он, один, что ли? Дура, да разве можно мужику показывать, что ты из-за него на стенку готова полезть? Всегда надо фигу в кармане держать! Я вот тоже перед своим прямо половичком стелилась, но если знала, что он сегодня не придет, соседу всегда стучала в стенку! Сосед

у меня… Жена у него на курорте. – Она хихикнула, но тут же осуждающе свела брови: – А ты прибежала как не знаю кто! Подумаешь, мужик бросил!

Она неодобрительно оглядела Нину, распахнула полы ее куртки.

– Пустите! – вырвалась та, стискивая у горла ворот халата. – Идите вы с вашими мужиками! У меня подруга уехала! Навсегда! Вышла замуж и… – Она подавилась рыданием.

Девица тупо посмотрела на нее, потом несколько раз моргнула. И вдруг зашлась смехом, подхватила под руку веселого незнакомца и потащила его вперед. Обернулась, помахала Нине:

– Пока, лесбиюшка! Каждому свое!

Нина очнулась, когда перрон уже совсем опустел. Только приземистая тетка в оранжевом жилете бродила по платформе, сметая в совок остатки мусора.

Нина с трудом толкнула тяжелую дверь и вошла в здание вокзала. В зале под огромной желтой люстрой, угрожающе свисающей с потолка, толпился народ: собирались к последним московским поездам заранее, потому что после десяти автобусы в Нижнем практически не ходят.

Нина машинально заплатила за входной билет и прошла в зал ожидания. Села там в самом углу, рядом с бессонно подвывающими игровыми автоматами, и стиснула на коленях трясущиеся руки.

Нине казалось, что на нее смотрят все. Бритые качки отворачивались от виртуальных трупов, чтобы окинуть ее туповатыми взорами. И бичиха, прикорнувшая в уголке, вдруг проснулась и окинула зал всполошенным взором не потому, что опасалась бдительного мента, – она должна была непременно посмотреть на Нину. А молодая женщина с двумя детьми и сумками вдруг подхватилась, будто вспугнутая птичка, со своего места и перешла в другой конец зала вовсе не потому, что дети хотели оказаться поближе к телевизору, – нет, ей было тошно сидеть рядом с Ниной.

Рядом с лесбиянкой.

Так вот почему беспокоилась и негодовала мама!

Значит, со стороны это выглядело именно так? То есть окружающим казалось, что она просто-напросто влюблена в Инну?

У Нины похолодели руки. Она сунула кулаки в карманы куртки, но теплее не стало. И дрожь не унялась. Ее колотило от стыда, от ненависти к себе, к собственной глупости, готовности унижаться. Инна уехала – и словно бы увезла с собой некую невидимую сеть, которой все эти годы была опутана Нина. Теперь она смотрела на свою оголтелую привязанность другими глазами. Она всегда была одинока дома: родители, слишком занятые работой и друг другом, не то не могли, не то просто не умели уделить ей столько внимания, сколько требовалось душе, алчущей любви. Будь у нее сестра, брат, а лучше сестры и братья, Нина обратила бы на них всю эту неуемную жажду привязанности и преданности, однако она была единственным ребенком. Любовь переполняла ее, но почему именно Инна явилась тем объектом, на который это чувство вдруг выплеснулось? На ее месте мог оказаться отец, мама, тот мальчишка из соседнего дома, который сладострастно рвал ее за косы в далеком детстве… Но мальчишка уменьшился в росте и теперь достигал долговязой Нине до плеча, вдобавок скверно ругался матом по поводу и без повода. А в семье вообще не были приняты особенные нежности, ее мама была лучшая из мам на свете, но то ли стыдилась ласкать дочь, то ли считала это ненужным. Ее так воспитали, бабушка ведь была очень суровая дама, оттого дед в свое время и сбежал от нее в деревню, в глушь – хоть и не в Саратов, а всего лишь в Чкаловский район. А Инка… Инка радостно принимала любовь, которая так и выплескивалась из чувствительной Нининой души, купалась в ней, хорошела в радужных струях. А главное, она всегда давала Нине понять, как нужна ей эта привязанность и преданность, как ценит она их дружбу.

Вот что было нужно Нине: встречный порыв, умение оценить ее чувства, благодарность… хотя бы это, если не ответная любовь. Но как жить теперь – без Инны, без этой благодарности, а главное, с накрепко припечатанным ко лбу клеймом лесбиянки?!

И ведь, наверное, так о ней думали все, все! Может быть, именно поэтому в компаниях парни всегда кружили только около Инки, старательно обходя Нину? «Да будь ты повеселей! – учила мама. – А то у тебя такой неприветливо-

высокомерный взгляд, что к тебе и подойти страшно».

Какой, к черту, взгляд! Ее просто видели насквозь: ее ревность, ее любовь. Уж наверняка ее давно называли лесбиянкой, втихаря, украдкой смеялись над ней, презирали, сторонились. Может быть, именно поэтому она была все время одна, у нее практически не было подруг – кроме Инны.

Почему? Неужели девочки боялись, что она начнет к ним… как это? Приставать! У них на курсе был такой Лева Вершинин, которого сторонились девчонки, потому что он был до неприличия сексуально озабочен и чуть что начинал тяжело дышать и хватать девочек за коленки. Поскольку на курсе девок было больше, чем парней, он перманентно пыхтел, как паровоз, и руки его вечно искали себе занятие.

От него шарахались. И от Нины, выходит, тоже шарахались?

А может быть, они были правы? Вдруг все ее психоанализы – не более чем попытка оправдать себя перед собой же? Наверное, убийца тоже оправдывает себя, мол, я не мог поступить иначе, меня просто довели! Так и она. А на самом-то деле…

Тьфу!

Вдруг горько, отвратительно горько стало во рту, словно подавилась желчью. Нина спустилась вниз в туалет и долго полоскала рот под краном.

Отвратительный привкус не проходил. «Купить, что ли, тюбик зубной пасты, щетку да вычистить зубы?» – подумала она.

Пошла к аптечному киоску, но ни пасты, ни щеток там не было. Только «Стиморол». Ну, что ж делать… Сунула в рот подушечку и еще постояла минуту возле киоска, бездумно жуя и озирая витрину. Аспирины, анальгины, пластырь, прокладки, памперсы, презервативы, бумажные салфетки, жевательная резинка…

«Стиморол» не помогал, несмотря на все свои щедро разрекламированные качества. Может быть, потому, что ему предстояло заглушить не какой-то там

вульгарный вкус лука, а по меньшей мере отвращение к жизни?

Нина взяла еще одну подушечку, и вдруг в голове мелькнула мысль – такая, от которой еще вчера, да что там – час назад, она пришла бы в ужас. А сейчас ощутила только холодную готовность сделать то, что решила.

Не давая себе ни минуты на размышление, Нина еще раз наклонилась к окошечку киоска, протягивая деньги.

Держа в руках пачку бумажных салфеток, которая не вместилась в карман куртки, она вышла из вокзала – и в первую минуту отпрянула, так лихо налетели на нее таксисты:

– Девушка, куда едем?

– Девушка, давайте по пути!

– Девушка, недорого!

Она пыталась рассмотреть в темноте их лица. Потом покачала головой:

– Нет, я не еду.

– Автобуса уже не дождетесь! – обиженно крикнул кто-то вслед, однако Нина не оглянулась.

На противоположной стороне, на автобусной остановке, безнадежно зябло человек десять, надеясь на чудо. Впрочем, то один, то другой расставался с этими надеждами и, отчаянно махнув рукой, устремлялся к веренице машин, вытянувшейся вдоль остановки. Это были частные извозчики, и они традиционно брали подешевле.

Нина прошла мимо машин, пытаясь всмотреться в лица сидящих за рулем. Здесь никто не навязывал услуг, частники предоставляли пассажирам право выбирать самим.

Высокий парень курил, опершись на капот грязно-белого «Москвича».

– Подвезете? – спросила Нина робко.

Он отбросил сигарету, выдохнул дым в сторону и только потом спросил:

– Далеко?

– В Лапшиху.

– Н-ну… – Он задумчиво окинул Нину взглядом. – В Лапшиху – пятьдесят. Вам это как? Дорого?

– Да ладно, поехали, – буркнула она, почему-то растроганная и этим вопросом, и деликатностью, с какой он старался не дышать на нее дымом. Впрочем, сигареты его пахли приятно.

В «Москвиче» оказалось холодно.

– Отопление не работает, извините, – тихо сказал водитель.

Нина кивнула:

– Ладно, ничего. Поехали.

И они поехали. Почему-то все светофоры были их. Нину то и дело бросало вперед – водитель тормозил излишне резко.

Ее начало подташнивать – то ли от этих торможений, то ли черт его знает от чего.

– Музыку включить? – спросил водитель. Голос у него был негромкий, молодой.

Нина покосилась на него. Огоньки приборов играли на его лице. Да, довольно молод…

– Если хотите, – сказал шофер.

– Тогда не надо.

Они продолжали ехать дальше в тишине и молчании.

– Вы как хотите ехать, с Бекетова или через центр? – осведомился водитель.

– Да мне все равно.

Может, это прозвучало и неприветливо, но не могла же Нина брякнуть, что вообще не знает автодороги в Лапшиху, что всегда проезжала ее только на трамвае! Ведь она жила в Первом микрорайоне, а Лапшиха… Ладно.

Наверное, он тоже не знал этой дороги, потому что с площади Горького свернул на Белинку, а оттуда промчался к Ошаре – и потащился параллельно трамвайным рельсам.

– А теперь вам куда? Показывайте дорогу.

Нина нервно сглотнула, вглядываясь в темноту. Где-то тут был недостроенный дом… А, вот он.

– Во двор поверните, пожалуйста. Здесь остановите. Хорошо, спасибо.

Водитель огляделся. Пустой двор заброшенной новостройки. Огоньки метрах в пятидесяти – там начинаются дома.

– Может, вас туда подвезти?

– Ничего, я дойду. Вот, возьмите.

Он протянул ладонь. Нина положила на нее то, что лежало у нее в кармане.

Мгновение водитель ощупывал это пальцами, потом, не поверив своим ощущениям, зажег свет в салоне и уставился на ладонь, в которой лежал презерватив.

Вообще можно было ожидать какой угодно реакции, но он только повернулся к Нине и спокойно сказал:

– Не понял.

– Выключите свет, пожалуйста, – просипела Нина, съеживаясь под его взглядом. – Потом я вам все объясню.

Он хмыкнул, но послушался.

Темнота была кромешная. Нина перевела дыхание и заговорила более внятно:

– Вы не волнуйтесь, у меня деньги есть. Вот. – Она пошуршала в кармане. – Я вам их потом отдам. После…

– После чего?

– После… всего. Ну что вы, не понимаете, что ли? – воскликнула она почти в отчаянии.

– Понимаю, – кивнул он. – Вы мне потом заплатите за… услуги. Только, знаете, я ведь не проститутка.

– Я тоже, – глухо промолвила Нина, глядя на светящуюся панель. Ей было легче говорить, не видя его лица. И еще легче стало, когда он отвел от нее взгляд и сел так же, как она, – уставившись на огоньки приборов. – Если хотите знать, я еще никогда ни с кем… в смысле…

– И какая необходимость проделать это именно сейчас, с первым встречным?

Он говорил негромко, спокойно, как врач, который спрашивает у больного, где болит. Если бы хоть нотка насмешки прозвенела в его голосе, Нина, наверное, не выдержала бы и выскочила из машины.

Что же это она затеяла?! Как она сможет это выдержать? Но надо, надо выдержать, надо все узнать про себя.

– Пожалуйста, не спрашивайте. Пожалуйста, сделайте это… – У нее сорвался голос, и она скорее выдохнула, а не сказала: – Я вам еще дам пятьдесят рублей, если вы… Пожалуйста!

– Я не проститутка, сказал же, – повторил он. – Отродясь не делал это за деньги, не собираюсь и начинать. Вдобавок никак не пойму, почему вы именно меня выбрали? Разглядеть меня там не могли, в темноте, на вокзале, да и никакой такой неземной красотой я не отличаюсь. И машина так себе, в «Форде» каком-нибудь или даже в «Волге» было бы куда удобнее.

– Ну, те, у кого «Форды», не занимаются частным извозом, – пояснила она. – «Волги» и «Лады» всякие я не люблю, меня почему-то сразу укачивает в них. А «Москвич» – совсем другое дело.

– Что, серьезно? – вдруг засмеялся он. – Так вы, значит, первого мужчину выбирали в зависимости от марки машины?

Нина сцепила зубы. Еще один его дурацкий вопрос – и она с криком выскочит вон, побежит по этой стройке, рискуя переломать ноги!

Из последних сил она выдавила:

– Поцелуйте меня, пожалуйста. – И, откинувшись на спинку, зажмурила глаза.

Сердце колотилось так, что она едва расслышала тяжелый вздох незнакомца. Потом его рука легла на ее плечо, какое-то мгновение она вдыхала горьковатый табачный запах, а потом прохладные губы прижались к ее губам.

Какое-то мгновение Нина сидела оцепенев, потом, испугавшись, что, не встретив отклика с ее стороны, он отстранится, вцепилась в его плечи и приоткрыла рот.

Она не целовалась ни с кем ни разу в жизни и первые минуты никак не могла справиться со своими безвольными, неумелыми губами. То ли открытыми их держать, то ли закрытыми? Да еще его язык прорывался в ее рот, прямо спасу нет. Не зная, что делать, Нина погладила его своим языком и подумала, что ничего неприятного в этом нет. Да и вообще целоваться ей даже понравилось. Губы незнакомца стали горячими, Нина привыкла к этому странному ощущению

чужого рта и попыталась повторять все, что делал он.

Это были нехитрые приемы. Гладить, впиваться, присасываться… Слова какие-то примитивные, чувствуешь-то совсем другое! Словами это не выразить.

Нине стало жарко, и незнакомец, словно поняв это, стянул с нее куртку.

Она покорно высвободилась, с мимолетным проблеском страха ощутив, что заодно он спустил с плеч халат, надетый прямо на голое тело. Она бы, наверное, отстранилась, да невозможно было, он слишком крепко прижимался к ней, вдавливал своей тяжестью в спинку сиденья. Потом спинка вдруг мягко пошла вниз, и Нина поняла, что лежит. Он вытянулся рядом, не прерывая поцелуя, осторожно блуждал пальцами по ее обнажившемуся телу. Ее начинало трясти, когда эти чуть шершавые, прохладные пальцы совершали круговое движение по животу.

Ни слова не было сказано меж ними, а может быть, он что-то и говорил, да Нина не слышала. Только иногда его тяжелое дыхание вдруг достигало слуха – и тотчас все звуки вновь тонули в оглушительном биении крови в висках.

…К счастью, ключ у нее был с собой. Нина медленно, осторожно поворачивала его в замке, моля бога, чтобы родители сидели перед телевизором, а не стояли в грозном ожидании в прихожей. Она сделала все, что могла, чтобы привести себя в порядок, еще раз придирчиво оглядела себя на площадке третьего этажа, где вкрутили новую, яркую лампочку. Здорово, что она купила те салфетки, без них был бы просто завал. А так удалось все вытереть.

Вот только волосы, конечно, дыбом. Нина как могла приглаживала их и распутывала пальцами, но это мало помогло. Провела языком по губам. Да, это…

Меня милый, меня милый целовал,

Родный батюшка нечайно увидал.

– Почему припухли губки? – он спросил,

А я сказала, что комарик укусил! —

с подвизгом пропел вдруг кто-то в голове, и Нина сжала губы как могла крепче.

Но ей повезло. Замок открылся почти бесшумно, а может, родители были слишком обижены и просто сделали вид, что не заметили ее возвращения. Если так, да здравствуют обиды!

Нина прямо в куртке шмыгнула в ванную и вздохнула спокойно, только когда заперлась на защелку.

Придирчиво оглядела куртку. Ничего, чистая, только измята так, будто ее корова жевала. Но халат…

Нина тихо ахнула, увидев пятно на подоле. А если бы кто-то шел за ней следом в подъезде?! И ведь, наверное, все это просочилось через тонкий шелк на сиденье автомобиля! Что, если он женат и утром жена увидит это…

Нина зажмурилась и с наслаждением сунула голову под секущие струи горячего душа, вымывая ненужные мысли.

Она долго сидела в ванне, натирая себя мочалкой с таким ожесточением, словно хотела сорвать кожу. На левой груди, рядом с соском, отпечатался синий полукруг. Нина рассеянно поглаживала его кончиками пальцев.

Странно… А ведь казалось, что это все происходило не с ней, все как бы пролетало мимо, кроме отдельных, разрозненных ощущений, казалось, она потом не сможет восстановить все это в памяти. Но нет, оказывается, она все помнит и заново ощущает, как он впился губами ей в грудь, глуша крик своего наслаждения…

Нина зажмурилась. Не только она беспомощно, обреченно извивалась в его объятиях, всем телом, всем существом ловя острые, как боль, почти мучительные искры блаженства. Он тоже, да, он тоже. И, может быть, когда Нина вдруг, неожиданно для самой себя, вырвалась из его ослабевших, утомленных рук и метнулась, не разбирая дороги, в темноту, в этом его: «Подожди! Куда ты! Постой!» – звучало отчаяние от разлуки с ней, а вовсе не досада, что ему так и не заплатили? Хотя он ведь предупреждал, что денег за это не берет.

Мгновенной тоской сжало сердце, и Нина, сердито нахмурясь, выключила воду. И только тут услышала стук в дверь и мамин перепуганный голос:

– Нина! Открой, Нина! Тебе что, плохо?!

Она завернулась в полотенце и, приняв самый независимый вид, отодвинула защелку:

– Что случилось?

– Как что?! Ты уже час тут сидишь! Я уж думала, тебя смыло в сток или в обморок упала! А ты что, стираешь, что ли?

– Ну да. И мылась, и стирала. Меня какой-то гад с ног до головы окатил грязью, мчался по лужам, как Шумахер на финише, – с необычайной, незнаемой ранее легкостью соврала Нина.

Мама пристально вглядывалась в ее лицо, и вдруг озабоченные морщинки на лбу разошлись, встревоженные глаза стали спокойными, словно бы в них, как в зеркале, отразилась невозмутимость дочери.

– Что там опять с Инной? – с привычно-ворчливыми интонациями, но вполне миролюбиво спросила мама.

«С кем?» – чуть не спросила Нина.

– Ах, да. Инна передавала тебе привет. Она уехала. Замуж вышла, только не спрашивай, за кого. Я его не видела, успела к самому отправлению поезда.

– Да ты что?! – Мама была откровенно потрясена. И что это мелькнуло в ее глазах, жалость, что ли, к дочери?!

– Да, жалко, что Инка уехала, правда? – совершенно равнодушным голосом, чуть ли не зевая, сказала Нина. – Все-таки столько лет дружили… И я ей очень многим обязана, очень! Пусть у нее все будет хорошо, правда?

– Пусть будет хорошо! – горячо согласилась мама, с умилением глядя на свою внезапно поумневшую дочь. – Конечно!

* * *

Честно говоря, она еле удержала себя, чтобы в четверть пятого не выйти из дому. Как раз хватило бы времени доехать до площади Минина. Просто так, из чистого любопытства. Чтобы убедиться, что никакого киллера там нет и не было, а поганые звонки – не более чем розыгрыш.

А может быть, это средство выманить ее из дому именно в нужное время?!

Эта мысль была как прозрение. Вот оно что! Все так просто, а она навоображала себе… Дура – она дура и есть, что тут скажешь!

Но если так, значит, нельзя и с Инной ехать. Они ведь могут и ночью прийти.

А сигнализация на что? А четыре замка? Антон просто помешан на мерах безопасности. И еще надо включить «ревун». Это такая штука… Чуть только чужой человек начинает открывать нижний замок на первой двери, не учитывая некоторых хитростей, вдруг раздается дикий рев или вой, вернее, что-то среднее, надрывающее слух и душу. Антон поставил это устройство, прочитав в газете, что какой-то воришка отдал богу душу, когда на него внезапно обрушилась какофония душераздирающих звуков. Нервный такой воришка оказался…

Насколько Нина помнила, Антон включал «ревун» только однажды, когда они ездили на пару дней на Горьковское море навестить деда. И по возвращении, конечно, он начисто забыл отключить. Что было!.. Изо всех квартир выскочили люди и помчались к их двери, движимые только одним желанием: немедленно убить того, кто подверг их такому стрессу. Или, на худой конец, сдать его в милицию. С Дебрскими потом чуть не месяц никто из соседей не здоровался! А сам Антон тогда так перепугался, что решил больше не включать «ревун». Жили ведь с обычной сигнализацией: звонишь на пульт, сообщаешь свой номер, все тихо, спокойно… Однако сегодня Нина непременно приведет «ревун» в действие. Пусть приходит этот мерзкий шутник! Хорошо же он будет выглядеть, когда глухою полуночью…

Инна задерживалась. Дважды позвонила с извинениями: «Все, выезжаю!», но появилась только в восемь, когда Нина уже решила, что никуда они сегодня не поедут. Подруга ворвалась с круглыми глазами, подхватила приготовленную и уже заскучавшую в прихожей сумку:

– Все! Поехали! Надо еще в «Европе» чего-нибудь купить на ужин!

– На площади Горького? – мигом оживилась только что клевавшая носом Лапка. – А в «Макдоналдс» зайдем? Давайте лучше биг-маков на ужин купим, а то мы уже сто лет их не ели.

– Ты что, дитя? – фыркнула Инна. – Неужели не знаешь, что твоя мамочка решила больше не поддерживать нашим русским рублем проклятых мировых жандармов?

Лапка только вздохнула покорно. Да, Нина позаботилась доходчиво объяснить ребенку, почему они не ходят в «Макдоналдс»: Сербия, Косово и все такое. У каждого есть какие-то свои принципы!

– А чаю ты приготовила? – спросила Инна, ковыряясь в сумке. – Термос с чаем? Возьми Христа ради, а? Нет, давай я сама налью, а то опять забудешь сахар положить. – И рванулась на кухню.

Нина обреченно вздохнула. Инна называет чаем такой жутко-приторный сироп! Ну и пусть пьет его в дороге сама, а они с Лапкой дотерпят до дачи, там ведь есть газовая плита. И вообще, на ночь пить не рекомендуется, чтобы не отекали глаза, а приедут они уж точно на ночь глядя! К десяти только и доберутся, и то если бог даст.

Но бог почему-то не дал… Ему одному только и известно, чем прогневала его Инкина «Лада», однако, не доезжая до деревни каких-то десяти километров, она вдруг зачихала мотором и стала.

– Бензин кончился? – пробормотала Лапка. – Будем опять просить добрых людей?

– Вот же чертенок злопамятный! – проворчала Инна, не переставая терзать стартер. – Чтоб ты знала: я заправилась перед тем, как за вами заехать!

Один раз у них такое уже было, чего греха таить. Только, что бак пустой, обнаружилось на шумном шоссе, и кругом тогда стоял белый день. А здесь-то никого, и стемнело уже. А как зябко вдруг стало!

– Мама, мне холодно, – заныла Лапка. – Ты одеялко не взяла?

– Ага, и подушечку, – съехидничала Инна. – И матрасик. И спальный мешок.

– Зачем мешок? – удивилась Лапка. – Можно спать в машине, на сиденье, тут мягко. И голову маме на колени положить, прямо вот так. – Она немедленно сопроводила свои слова действиями. – А без одеялка плохо.

Лапка была очень обстоятельным ребенком и обычно смешила Нину своим легким бытовым занудством, однако сейчас она улыбнулась другому. Уж сколько лет прошло, а воспоминания о ее «автомобильных приключениях» вспыхивают при самых невинных репликах, так и норовят высунуться из тайников памяти!

– Пойду посмотрю, может, что-то с мотором? – Инна открыла дверцу. – А вы чаю попейте – и согреетесь. Он просто кипяток.

Это была мысль. Ладно, фиг с ними, с веками, которые завтра непременно отекут. Но почему она не прихватила плед?! В плаще уже познабливает, а Лапка вообще такая мерзлячка…

Чай Лапке понравился. Она пила долго, обстоятельно, то и дело шумно дуя в пластмассовый колпачок-стаканчик. Нина терпеливо ждала своей очереди. Наконец Лапка, раскрасневшись, с бисеринками пота на курносом носишке, передала ей тару:

– Ого! Даже жарко стало!

Нина с опаской глотнула. Ну надо же! Вполне терпимо. Наверное, второпях Инна положила сахару совсем чуть-чуть, ну, каких-то шесть ложек на термос, а не двенадцать или, к примеру, пятнадцать.

– А мы когда поедем? – прошептала Лапка уже совсем сонно.

– Пойду спрошу у тети Инны. А ты подремли пока, делать-то больше нечего.

Лапка свернулась калачиком, а Нина выбралась наружу.

Ого! Вечера уже просто холодные! Первым делом на даче надо протопить, а то спать будет просто невозможно. Черт, ну зачем они потащились на эту дачу, интересно? Все-таки Инка, наверное, сохранила над Ниной остатки прежней власти, если она так безропотно, можно сказать, тупо поехала с ней, да еще и ребенка взяла. Какие уж такие уикенды в сентябре-то?! Переночуют в холоде, с минимумом удобств, а завтра домой. А может, вообще вернуться? Прямо сейчас поехать домой. Только «ревун» не забыть отключить.

Нет, дело не в Инне. Дело в Шатуне и его звонке…

Инка, подсвечивая себе фонариком, с головой окунулась в машинное нутро, только туго обтянутый джинсами зад торчал.

– Ну, что там?

– А леший его знает! Думала, бензонасос засорился, но вроде нет. Какой-нибудь тайный заводской брачок вылез. Если ты купил авто, еще не факт, что оно потом будет ездить. Но это уже проблема покупателя, а не производителя! Ох уж эти наши отечественные производители… Колбасы делают хорошо, но за машины лучше бы не брались. Дура я, конечно, мне ведь предлагали подтянуть ее до класса «люкс», но таких деньжищ потребовали, что я пожмотилась. А зря, жадность фраера сгубила.

– Может, кого-то попросить остановиться, посмотреть? – робко заикнулась Нина.

– А кого?

Именно в это мгновение мимо них на полной скорости промчалась «Волга». Нина импульсивно взмахнула руками, но автомобиль уже исчез за пригорком.

– Видела, как он пролетел? – зло усмехнулась Инна. – Гнал, чтобы, не дай бог, не тормознули его, не попросили помочь. Ну, мужик пошел… Да он не иначе с неба свалился, потому что по этому проселку практически никто не ездит, особенно в такое время. Дернула же меня нелегкая сюда свернуть! Надо было так и ехать по главной дороге. На полчаса дольше, конечно. Хотела путь сократить! Тут можно до утра ждать – и не дождешься никого. Не на шоссе же идти помощи просить. Кто поедет на проселочную, да в темноте, да неизвестно зачем? Вот ты бы поехала?

– Нет, – уныло призналась Нина. – Конечно, днем бы…

– Ну, днем!

Инна, сердито фыркнув, снова окунулась в недра мотора, и голос ее прозвучал неразборчиво:

– Иди лучше в машину, не стой над душой. Выпей еще чайку, расслабься. Когда исправлю, вернусь.

Нина послушалась, думая при этом, что слово «если» было бы здесь гораздо уместнее.

Лапка уже спала. Нина притулилась с краешку, и девчонка, мгновенно ощутив ее присутствие, тотчас приподнялась, положила головенку ей на колени и снова накрепко уснула.

Нина рассеянно поглаживала ей волосы, помня, что когда-то, когда они с Лапкой только познакомились, это было практически единственное средство прекратить ее истерики. Вот так мерно, медленно поглаживать, поглаживать ее, иногда чуть касаясь висков…

Легкие, чуть вьющиеся волосы знакомо обвивались вокруг пальцев. Инна не перестает ворчать, что это дико – так полюбить чужого ребенка. Но если невозможно родить своего… И какая же Лапка чужая? Ведь она дочь Антона, и вообще, с первой минуты их встречи Нина почувствовала, что в ее душе что-то перевернулось. Да, вот такая банальная фраза, как нельзя больше отвечающая ее истинным ощущениям. Точность определений – это ведь главное свойство банальностей!

Забавно, забавно… Лапка родилась в марте 92-го. То безумное автомобильное приключение произошло у Нины в августе 91-го. Причем, что характерно, незнакомец почему-то не воспользовался предложенным средством спасения. Это Нина четко поняла, несмотря на свою неопытность. Наверное, забыл. Так сказать, увлекся. И выходит, если бы Нина тогда, как принято выражаться, подзалетела, то ребенок родился бы именно в марте. Но она не подзалетела и никто у нее не родился. А интересно, она и вправду решилась бы родить? В двадцать лет, одна, без мужа… Что характерно, у нее и мысли не было разыскивать того парня, она эту Лапшиху обходила как зачумленную, благо не возникало никакой необходимости там бывать. И на вокзал долгое время носа не совала. Да, впрочем, наверняка он ее и не узнал бы, ведь она тоже его не помнила. Так, некий общий абрис и запах табака – такой своеобразный, не как у всех. Потом ее еще долго начинало колотить только при намеке на этот запах! К счастью, такие сигареты или папиросы, видимо, не пользовались большой популярностью. Может, это вообще была какая-нибудь архаическая «Герцеговина Флор», что бы ни означало это название, которое почему-то безумно нравилось Нине.

Ну так вот, беременность. Вернее, ее отсутствие. Хоть в романах барышни сплошь и рядом беременеют с самого первого раза, на самом-то деле это не так просто осуществить. Вот и у Нины все обошлось. А поскольку до сих пор «обходилось» и с Антоном, скорее всего, что-то у нее с этим делом не в порядке. Именно у нее, потому что Антон ведь родил когда-то Лапку. Нет, Нина, конечно, не проверялась, это же какая жуть, услышать, вы, мол, дамочка, бесплодны! Лучше уж ничего такого не знать о себе.

То есть она, значит, тогда, в «Москвиче», не рисковала. А ведь родители, пожалуй, ничего не имели бы против ее беременности… Особенно мама, которая как-то очень уж сильно, почти до истерики, хотела внуков. Чувствовала, наверное, что так и не судьба им с отцом будет порадоваться, понянчиться…

Нина иногда задумывалась, а что было бы, если б она все же родила? Может быть, родители не отправились бы в тот роковой день навещать знакомых в Толоконцеве, не попали бы в жуткую аварию на Волжском мосту, после которой осталось девять трупов, и их трупы – в том числе? Нина не поехала с ними потому, что сильно простудилась накануне, и еще долго, долго потом чувствовала себя виноватой за эту простуду, за то, что не погибла с ними, что не зачала ребенка, который мог бы спасти ее родителям жизнь…

Глупости все это, конечно. Что у человека написано на роду, того не избежать. Странно только думать, что и поспешная любовь в «Москвиче», и встреча с Антоном в переполненном 61-м автобусе, и Лапка с ее теплыми и такими цепкими лапками, и теперешняя Нинина жизнь – все было заранее написано у нее на каком-то там роду! И этот почему-то заглохший мотор – тоже? Забавно!

Она откинулась на спинку, стараясь устроить голову поудобнее. Спать хочется. Не подремать ли, пока Инна там ковыряется в моторе? Она же упорная, как бес, пока не вывернет все наизнанку и не докопается до причины, не успокоится! И лучше не соваться ей под горячую руку. Правда, что ли, вздремнуть?

Это было ее последней связной мыслью.

Когда Нина открыла глаза, вокруг брезжила какая-то бледная серость. Потребовалось время, чтобы понять: это занимается утро. Тело все затекло, и Нина не сдержала стона, поднимая голову. Шея болела, как при хорошем накате остеохондроза. Бог ты мой, да неужели она так и проспала ночь на заднем сиденье автомобиля? А вот и Лапка, свернувшаяся в крошечный клубочек. И Инна сонно шевелится на переднем сиденье.

– Привет! Так и не завелась машина?

– Завелась! – сообщила Инна изумленно. – Я потом нашла – там всего-навсего на аккумуляторе какой-то контакт отошел, а я даже и не подозревала… Нет, подожди. Но я же села за руль, вон, даже ключ вставила. Что за мистика? Ой, башка болит, не могу!

– И у меня. – Нина сосредоточенно разминала шею, гадая, разбудить Лапку или нет.

Ладно уж, пусть спит. А то начнет канючить, что замерзла, что хочет кушать. Не всухомятку же ее кормить. Вот доедем – тогда уж… А пока не худо бы выпить чайку.

– Ин, где термос?

– Что? Вот он. Только я весь чай ночью допила. Вы тут обе храпели, я села за руль, да, теперь помню, как это было: села за руль, сунула ключ в стояк, а потом почувствовала, что замерзла, и решила чайку попить. Еще помню, как пила… И вырубилась! Ты туда, случаем, никакого снотворного не подсыпала?

– По-моему, это ты заваривала чай, – хмыкнула Нина, зябко обхватывая себя за плечи. – Так что, если кто что подсыпал, только ты! Слушай, может, мы уже поедем, а? Я так замерзла, что просто в печку раскаленную готова залезть!

– Ее еще надо затопить! – Инна завела мотор, и застоявшаяся «Лада» медленно, будто ленивая лошадь, тронулась с места.

А деревня уже не спала. Курились дымки над крышами, коровы вразброд тащились по улице в сопровождении небольшого замурзанного мужичка с дочерна загорелым лицом – деревенского пастуха. В руках у него был экзотический бич, которым пастух то и дело грозно щелкал, вздымая пыль с обочин. Шатучие коровы проникались дисциплиной и выравнивали строй, ну а тех, кто не слушался, молча, зло хватали за задние ноги две собаки, по виду типичные дворняжки, но с выучкой, которой позавидовала бы и настоящая сторожевая.

«Лада» осторожно ползла по обочине, пытаясь обогнать стадо. Собаки, против ожидания, не норовили вцепиться в колесо, а вежливо сторонились.

– Ну, приехали! – облегченно вздохнула Инна – и вдруг нажала на тормоз так резко, что Нину бросило вперед, а Лапка покатилась с сиденья, вскинулась переполошенно и захныкала…

Нина подхватила ее на руки и прижала к себе, тупо глядя вперед, где за поломанным, вдавленным в землю забором (она помнила его аккуратненьким, свежевыкрашенным!), среди обгорелых деревьев чернела воронка, заваленная обугленными обломками.

– Что это? – тихо спросила Инна неизвестно кого и медленно вылезла из машины.

Соседний дом отстоял от сгоревшего на приличном расстоянии, однако и там обуглились на деревьях листья, на чисто выбеленных стенах появились черные разводы копоти. Горело, судя по всему, изрядно. И только сейчас Нина заметила,

что в соседском доме выбиты стекла, а оконницы забиты где фанерой, где подушками со стороны комнат.

Да что здесь случилось, взрыв какой-то, что ли?!

Лапка, видимо, еще не совсем проснулась, потому что, пригревшись в Нининых объятиях, снова задремала. И Нина так и сидела в машине, прижимая девочку к себе и таращась в окно на эти руины.

На крыльцо выскочила соседка и набросилась на Инну чуть ли не с кулаками. Ее визгливый голос разносился по улице, и люди начали выходить из других домов. Почему-то все они смотрели на Инну с искренним возмущением, словно она сама умудрилась устроить этот кошмар со своей «любимой игрушкой» – так Инна называла прелестную дачку. Вернее, то, что когда-то было ею…

Как ни громко кричала соседка, до Нины долетали лишь обрывки ее воплей. Но и этого хватило, чтобы выудить информацию и наконец понять: грохнуло вчера около десяти вечера, пожар чуть не перекинулся на другие дома, народу пришлось отстаивать свое добро, а Иннин дом было изначально невозможно спасти. Пока вызвали пожарных, пока они приехали из райцентра, который находился чуть ли не в два раза дальше Нижнего, но все равно, по ранжиру гасить пожары в Сапрыкине должны были именно райцентровские пожарные…

«Именно поэтому мы их не видели, – кивнула сама себе Нина, почему-то порадовавшись, что додумалась до этого. – Они же по другой дороге мчались, с противоположной стороны. Не то мы всполошились бы, конечно, хотя что проку, мотор же все равно не заводился».

Однако пожарным досталось только обрушить струи пены на догоравшие обломки, для порядка облить стены ближайших домов – и отбыть восвояси. Соседка, у которой был записан Иннин домашний телефон, пыталась дозвониться ей, но никто не брал трубку.

«Никто и не мог, – подумала Нина. – Мы в это время загорали на обочине. Инна возилась с мотором, а мы с Лапкой вообще спали…»

Инна, не дослушав, вдруг замахала на столпившихся людей, а потом повернулась и быстро пошла, почти побежала к машине, все так же бестолково

размахивая руками. Неловко забралась на водительское место, захлопнула дверцу и даже кнопочку фиксирующую нажала.

Сидела сгорбившись, зажав руки меж колен, крепко стиснув веки. Нина сбоку видела ее бледное, почти белое лицо, заострившийся профиль, страдальческую морщину у рта. Черные кудри, упавшие на щеки, смотрелись как траурная кайма.

– Инночка… – пробормотала она беспомощно, совершенно не зная, что тут можно сказать.

– Я даже не представляла, – невнятно выговорила Инна, словно губы ей не повиновались, – что это так страшно.

– Господи, Инночка, – всхлипнула Нина. У нее аж сердце заболело от жалости к подруге! – Какой кошмар, что сломался мотор, мы бы приехали вовремя, что-то могли сделать!

Инна обернулась к ней так резко, что Нина невольно отпрянула к спинке.

– Да ты что, и впрямь такая дура, что не понимаешь? – безжалостно, ядовито, с необъяснимой ненавистью выдохнула Инна. – Если бы не эта поломка, мы бы…

У нее прервался голос, и какое-то время она беззвучно шевелила губами, не в силах ничего сказать.

Но что можно было сказать? И так ясно: если бы не эта поломка, если бы они не задержались в пути, дом взорвался бы как раз в то время, когда они были бы в нем.

* * *

«Вот подлость какая! Почему я помню, что каша эта называется овсянка, хлеб – «Дарницкий», масло – сливочное, кофе приготовлен со сгущенным молоком, а как меня зовут – не помню?!»

И правда – больной помнил уйму всяких бытовых мелочей, а вот самое главное… И даже зеркало, которое сразу после завтрака притащил доктор, не помогло. Он сосредоточенно вглядывался в краснокожую («Это небольшие ожоги, скоро все пройдет!»), заросшую рыжеватой щетиной, голубоглазую физиономию. Голова была обрита: волосы, по словам доктора, сожгло начисто.

– Ну, нагляделись? – Доктор держал довольно тяжелое зеркало, уперев в свой живот, и уже устал.

Больной задумчиво кивнул. В целом физиономия, несмотря на ожоги, бритоголовость и общий идиотизм выражения, проистекающий, конечно, от растерянности и неопределенности, не вызывала никаких неприятных ощущений, за исключением одного: это лицо больной видел впервые в жизни. Это было лицо человека, которого звали Антон Антонович Дебрский… Странно, сегодня он уже с меньшим отвращением относился к этому словосочетанию. Может, постепенно привыкнет и к имени, и к лицу?

– И как? – с любопытством спросил доктор.

Больной чуть заметно поелозил головой по подушке.

– Понял, – бодро отозвался доктор. – Ну что ж, попробуем следующее средство. Сейчас к вам зайдет один человек, я никаких подсказок делать не буду, попробуйте сами догадаться, кто это.

Он приоткрыл дверь, махнул приглашающе, и в палату осторожно, бочком, втерся темноволосый, круглолицый, чрезвычайно широкоплечий крепыш ростом метра полтора – из тех, о ком говорят: «плечист в желудке».

Он вгляделся в лицо больного и сдавленно пробормотал:

– Это он, да, нет сомнения. Антон Антонович Дебрский, коммерческий директор дилерской фирмы «Вестерн». По работе характеризуется положительно. Ему тридцать два года, женат, имеет дочь… – Он осекся и испуганно обернулся на доктора, который издал какой-то странный, недовольный звук.

«Господи! – обреченно закрыл глаза больной. – Еще и дочь!»

– Да вы свободнее себя чувствуйте, раскованней, господин Красноштанов, – посоветовал доктор. – Что вы зажались, словно на опознание трупа прибыли? Как видите, наш пациент вполне жив и в сознании.

– Антон, привет! – Красноштанов неуверенно улыбнулся. – Ну, слава богу. Задал ты нам страху! Главное, сделка с этим поганым Асламовым вся на тебе висела, ты нас здорово подставил…

Тут доктор снова сделал недовольный звук горлом, и Красноштанов суетливо замахал руками:

– Да это тьфу, это ничего, ты, главное, поправляйся…

– Кто такой Асламов? – перебил больной. – И что такое дилерская фирма «Вестерн»?

Красноштанов растерянно оглянулся на доктора, а тот спокойно сказал:

– В «Вестерне», который продает автомобили ГАЗа, вы работаете, ну а Асламов – ваш недобросовестный партнер, так я понял, господин Красноштанов?

Тот поспешно закивал.

Доктор взглянул на больного и вопросительно вскинул брови. Тот опять поелозил головой по подушке. Доктор понимающе кивнул и властно взял господина Красноштанова под локоток:

– На сегодня хватит. Спасибо вам большое, вы пока идите. Если понадобится, мы вас пригласим еще разок.

– Конечно, конечно… – суетливо забормотал Красноштанов, выворачивая свою короткую, крепкую шею, чтобы оглянуться на больного и послать улыбку на прощание: – Антон, ты давай тут это… не залеживайся! Мы тебя ждем!

Больной ответно оскалил зубы и облегченно вздохнул, когда Красноштанов скрылся с глаз. Неведомо, какие отношения были у Дебрского с этим человеком, но больному он почему-то активно не понравился.

– Номер два, – объявил доктор, жестом фокусника открывая дверь.

Больной испуганно уставился на невысокую черноволосую женщину, которая влетела в палату и резко замерла, столкнувшись с ним взглядом.

«Это что, его, то есть моя, жена?!» – испуганно подумал он.

Никаких ассоциаций. Никакого волнения в крови, душевного трепета… Ведь знает же он откуда-то, что человек при встрече с женой должен волноваться и трепетать, если не от любви, так хотя бы от ненависти! Но нет, глухо. Абсолютный нуль. Хотя бабенка ничего себе. Изящная, ладненькая. Белый халат, небрежно надетый поверх толстого свитера, очень выгодно облегает фигуру. Ножки могли быть и подлиннее, но этот недостаток вполне искупают очень высокие каблуки. Черные чулки смотрятся сексуально.

Он внимательнее вгляделся в лицо. Хорошенькая. Крутые дуги тонких бровей, нос крупноват для такого худенького личика, но это заметно, только когда она поворачивается в профиль. Красивый рот, ресницы вообще потрясающие. Глаза… ее черные глаза наполнились слезами:

– Антон! Ты… О господи! Ты меня узнаешь?!

Он неопределенно улыбнулся, от души пожелав, чтобы она замолчала. Удивительно, насколько ей не идет этот резкий голос! Или после сотрясения мозга его слух сделался так чувствителен к звукам?

Но она даже и не собиралась замолкать:

– Антон, Антоша… Это же я, Инна! Неужели не узнаешь?!

«Инна Леонтьевна Баброва, подруга вашей жены», – вспомнилась аттестация, данная вчера, и он не сдержал облегченного вздоха.

Подруга жены! Барышня очень миленькая, но какое счастье, что она – не его жена, что не надо быть с ней любезным, в койку ложиться. Смотреть на нее приятно, но это явно не его тип женщины. А вот она на него уставилась как-то очень уж взволнованно. Наверное, у нее с Дебрскими были отличные отношения.

Дружили, так сказать, семьями.

– Инна Леонтьевна, успокойтесь, – ласково сказал доктор. – Я ведь предупреждал, что у нас пока некоторые проблемы с памятью, но это ненадолго.

Она торопливо закивала, опустила голову, стараясь скрыть слезы. Потом выхватила из рукава платочек, начала тереть глаза. Менее черными ресницы Инны не стали, наоборот – заблестели еще ярче, загнулись еще наряднее.

– Антон, ты что, правда ничего не помнишь? Ты поехал в Карабасиху за Ниной!

Доктор хрюкнул. Больной нахмурился. Что за анекдот?!

– Карабасиха, – уточнил доктор, – это деревушка под Чкаловском. Недалеко от нее и произошла авария.

А что такое Чкаловск? А кто такая Нина, за которой он поехал? Жена, дочь?

– Антон!

Он прикрыл глаза. Такое ощущение, что память поместили в глубь темного кирпичного колодца. Он почти физически ощущал, как мыслительные усилия разбиваются вдребезги об эти стены. Нет – иногда стены как бы пружинили, выгибались и с силой отшвыривали от себя все его бесплодные попытки. Это было неприятно, очень неприятно! Его замутило, застучало в висках.

– Антон!.. Доктор, что с ним такое, ему плохо?

– Дебрский, вы как? – послышался голос доктора над самым ухом.

Больной открыл глаза:

– Нормально. Девушка, вы извините, но я никак…

Он осекся, услышав громкое всхлипывание. Прижав руки к лицу, сгорбившись, она вылетела из палаты, и какое-то время еще слышен был торопливый цокот

каблучков по коридору.

– Н-да, – неопределенно протянул доктор. – Факир был пьян, и фокус не удался. В очередной раз.

– Слушайте, а почему вы привели именно ее? – хмуро спросил больной. – Подумаешь, подружка жены! Ну ладно, с Красноштановым мы, видимо, беспрестанно бились на работе, понятно – он мог бы возбудить мою память, от противного, так сказать, а эта Инночка каким боком ко мне пришита? Или… – Неприятная мысль вдруг поразила его. – Или, не дай бог, между нами что-нибудь?.. Она ко мне неравнодушна? Или я к ней?!

– Что это вас так испугало? – вскинул брови доктор. – Очень привлекательная молодая женщина, сексапильная, то да се… – Увидел выражение его лица и усмехнулся: – Ладно, не дергайтесь. Ничего у вас с ней не было. Более того, Инна Леонтьевна призналась, что вы отчаянно враждовали. С женой вашей – да, они дружили с детства. Думаю, она вашу Нину к вам просто ревновала, потому отношения у вас были прескверней шие. Ради знакомства она вам, между прочим, в глазки дезодорантом прыснула. Круто, правда?

– Круто, – согласился больной, подавляя смешок. – А с виду-то… кто бы мог подумать!

– Но вы ее не вспомнили, – констатировал доктор.

– Нет. Может быть, мне эту мегеру и вспоминать не хочется, как думаете? Может, в этом дело, а? Давайте кого-нибудь поприятнее позовем.

Он вполне освоился со своим положением опознаваемого и даже решил получать от него удовольствие. Неуклюже подбил подушку повыше, улегся поудобнее.

– Ну уж не знаю, – пробормотал доктор. – Больно вы привередливы, Дебрский, с вашими симпатиями и антипатиями. Ладно, сейчас придет еще один человек. Надеюсь, хоть он сможет освежить вашу память.

Доктор в очередной раз приоткрыл дверь и приглашающе махнул в коридор. Вошел высокий парень в белом халате, доктор сунулся было к нему с рукопожатием, но тотчас досадливо отмахнулся:

– Ах да.

Дебрский (вот удивительно, он уже, оказывается, привык думать о себе не просто как о безымянном больном, но именно как о Дебрском!) обратил внимание, что кисти вошедшего забинтованы. Не так сильно, как у него самого, но достаточно, чтобы избегать рукопожатий. Что, этот парень тоже попал в аварию и сжег себе руки?

– Здравствуйте, – сказал вошедший негромко, чуть склоняя голову набок и пристально вглядываясь в лицо Дебрского. – Вижу, вам уже немножко лучше?

– Да почему, налицо колоссальный прогресс, коллега! – обиженно сказал доктор. – Вот только что-то с памятью его стало… Поэтому давайте, как мы и договаривались.

– Вы уверены? – Вновь пришедший с сомнением переводил взгляд с Дебрского на доктора.

– Попытка не пытка, за спрос денег не берут и всякое такое. Не тяните, коллега.

– Ну хорошо.

Вошедший вздохнул, как бы набираясь сил. Дебрский внимательно разглядывал его. Очень высокий и очень худой. Лицо усталое, до синяков под глазами. Глаза серые, какие-то очень яркие при темно-русых волосах. А волосы-то! Дебрский с трудом скрыл усмешку. Парень был очень своеобразно пострижен: с челкой, отдельными прядями падавшей на лоб, вокруг головы волосы разной длины, а сзади короткие, но с затылка спускается одна длинная прядь, как хвостик.

«Он, часом, не «голубой»? Или панк какой-нибудь?» – всерьез обеспокоился Дебрский, и вдруг его снова скрутила тоска оттого, что такую глупость, как отличие голубого цвета от, к примеру, розового он помнит, а самое главное – хоть тресни, нет!

– Меня зовут Николай Сибирцев, – сказал парень. Голос у него, кстати, был вполне мужественный. – Работаю на «Скорой помощи». Неделю назад мы ехали из Чкаловска, везли пациентку…

– Я уже рассказывал эти детали, давайте прямо к делу, – перебил доктор.

– Хорошо. Мы приближались к повороту на Пурих. Может быть, помните, там какая-то крошечная деревушка стоит, еще на самом повороте такой сарай, на котором написано «Горячие сосиски». Ну, обычная придорожная харчевня. И тут нас обогнал джип. Несся с сумасшедшей скоростью. А навстречу с такой же скоростью летели вы на «Форде». Джип, похоже, не справился с управлением. Его снесло на встречную полосу, прямо в лоб к вам. Это был ужасный удар. Такой, что ваша дверца распахнулась, и вас вышвырнуло на обочину. Очевидно, не были пристегнуты ремнем. С одной стороны, это вас спасло, с другой – стало причиной черепно-мозговой травмы. Водителю джипа повезло меньше. Думаю, он был убит сразу, когда рулевое колесо вдавилось ему в грудь. Во всяком случае, я не слышал его криков. А вот тот человек, который сидел рядом с вами…

Сибирцев сверкнул на Антона глазами и помолчал, словно раздумывая, говорить все или нет.

– От удара бензобаки взорвались. Все сразу вспыхнуло. Вдруг вы вскочили и бросились к «Форду». Тому человеку, который ехал с вами, наверное, зажало ноги, а может быть, он не мог освободиться от ремня. Вы сунулись прямо в огонь, тащили его, я пытался помогать, но мы ничего не могли сделать. Так полыхало, что… – Он слабо махнул рукой, отводя глаза. – И огнетушители оказались бесполезны.

Сибирцев опять умолк и какое-то время смотрел в стену, словно заново видел страшную картину. Потом вприщур глянул на Дебрского, и у того вдруг мелькнула странная, нелепая мысль, что этот человек его ненавидит.

Что за бред?!

Сибирцев снова отвел глаза:

– В это время наша фельдшерица по рации связалась с диспетчерской, они, мгновенно, – с областной милицией, а те – с ближайшим постом ГИБДД. Там пост практически рядом, возле Труфанова. Те примчались. Из Чкаловска сразу прислали пожарную машину, из Нижнего – бригаду МЧС с инструментами. Я этого, правда, уже не видел, потому что мы уехали, но знаю: все, что им осталось, – это залить пеной оплавленные остовы машин и извлечь из них резаками черные головешки, в которых с трудом можно было разобрать очертания человеческих тел. А мы взяли вас в машину – вы опять потеряли сознание – и помчались в Нижний. Понимаете, куртка ваша практически сгорела, сами можете на эти клочки взглянуть, когда захотите, от прав остался только краешек с печатью Нижегородской автоинспекции, но мы поняли, что вы именно из Нижнего, и потому привезли вас сюда, а не стали возвращаться в Чкаловск или не оставили, к примеру, в Заволжье. Тем более что, по всем показаниям, вы вполне могли выдержать дорогу, а здесь больница много лучше, чем в области.

Голос Сибирцева звучал сухо. Может быть, ему просто было тяжело вспоминать весь этот кошмар, но Антона опять так и кольнуло чувство, что этот парень, спасший ему жизнь, ненавидит его.

– Ну? – опасливо спросил доктор, который за все время этого тяжелого рассказа не сводил глаз с лица Дебрского. – Как вы?

– Нормально, – хрипло выговорил тот и попытался откашляться. – Вот только боюсь, что этот триллер пока остался для меня всего лишь набором слов.

– Ничего не вспомнили?

– Нет.

– Холера ясна! – выругался доктор почему-то по-польски, а Сибирцев передернул плечами:

– Не стоит спешить. Всему свое время.

Дебрский пристально смотрел на него. Показалось, или в голосе парня явственно прозвучало облегчение?

– Так, а что вы теперь будете со мной делать? – спросил он.

– Ну, что? Полежите еще несколько денечков, пока вам не получшает настолько, что вас будет можно выписать, и пойдете домой, – пожал плечами доктор.

– А еще кого-нибудь вы ко мне пригласите на опознание?

Доктор вильнул глазами и с пристальным вниманием начал разглядывать стену.

– Ну, может, и пригласим. А что?

– Да ничего. Просто любопытно: почему вы позвали сюда совершенно посторонних мне людей, а жену мою, к примеру, и не подумали пригласить? Или у нас с ней отношения настолько препоганые, что нас опасно даже ставить рядом на одном жизненном пространстве? Но если так, странно, что мы не развелись. Помните, я вас спросил, но вы сказали, что мы не в разводе.

Доктор дико глянул на него и с беспомощным видом повернулся к Сибирцеву, но тот упорно буравил глазами стену.

Доктор зло дернул углом рта:

– Ладно. Вот какая штука, Дебрский. Тот ваш пассажир, которого вы тщетно пытались спасти из горящей машины… Ну, в общем, это была ваша жена. И она погибла. Извините, я не хотел пока говорить, но так уж получилось. Мне очень жаль.

– Мне тоже, – тихим эхом отозвался Сибирцев.

– Да, – сказал Дебрский. – Да, спасибо…

И откинулся на подушки, закрыл глаза – словно шторки опустил, пытаясь скрыть от врачей, что ничего не почувствовал при этом известии. Но от себя это скрыть было невозможно.

* * *

Домой они добрались только к вечеру, совершенно разбитые. Милиция, протоколы, опять пожарный инспектор, то да се… Каждый почему-то считал своим долгом спросить Инну, был ли застрахован дом, а услышав сумму, многозначительно крякал, умолкал, а потом начинал смотреть подозрительно. Хотя что уж такого особенного в ста тысячах рублей, если мыслить масштабно? По-нынешнему несчастные три тысячи баксов. Ну, три с гаком. Тьфу, и больше ничего. То ли дело до кризиса! Почему-то особенно настораживало всех, что Инна застраховалась только три месяца назад, в июне. Раньше годами дом стоял незастрахованный, а тут вдруг… Больше всех пожимала плечами и делала многозначительные глазки сама страховщица, как будто это не она лично годами уговаривала Инну обезопасить свою собственность! А если учесть, что новый баллон был привезен вообще две недели назад, тоже как нарочно…

Шустрый инспектор из райотдела милиции, чем-то похожий на молоденького петушка с этим его хохолком над высоким юношеским лбом, попрыгав по развалинам, быстренько пришел к выводу, что газ взорвался не на кухне, где обычно стоял баллон («Картина обрушения в этом случае была бы совершенно иная!»), а в подвале, точно посередине, под центром дома. То есть баллон был нарочно занесен в подвал, а потом, очевидно, включены электроприборы. Взрыв окончательно утратил характер случайности, и неприятные вопросы начали звучать чаще.

Раз двести, не меньше, пришлось повторить Нине, что в момент взрыва они с Инной находились в десяти километрах отсюда, куковали на обочине дороги, но чем настойчивее она это твердила, тем с большей подозрительностью таращились на нее все официальные и неофициальные лица, как если бы ей полагался процент со страховой суммы за упорное подтверждение Инниного алиби. И неизвестно, чем бы кончился весь этот кошмар, если бы невзрачный мужичонка в телогрейке, надетой прямо на тельняшку, который, заплетаясь ногами, бродил туда-сюда, жадно прислушиваясь к разговорам, вдруг не начал шлепать себя по ляжкам, громко и бесстыдно матерясь при этом.

– А ведь я его видел, фашиста! – заорал он, выпучивая свои покрасневшие, мутные глаза, в уголках которых скопилась белая слизь. – Видел вчера, гадом буду!

– Кого? – насторожился инспектор.

– Ну, его… – Красноглазый странно закрутил руками вокруг головы.

– Вовка, мать твою, бабушку и прабабушку! – тяжелым басом рявкнул крепкий дяденька с окладистой бородой классического нижегородского купчины. – Говори путем, какого-этого придуряешься?!

– Ну ты чё, дядь Леш, я и говорю, – присмирел Вовка. – Иду вчера по делу, – он вильнул было глазами, но тут же вновь честно выкатил их на окружающих, – еще не стемнело, магазин был открыт. Навстречу прет какой-то… Ну сущий бомж! Одет абы как, патлы торчат из-под кепки, рожа такая подозрительная, – Вовка чистоплотно передернулся. – Не наш, думаю. Надо, думаю, за ним проследить, как бы не содеял он чего-нибудь криминального. Я тихонько повернулся и пошел за ним на цыпочках. Сам к заборам прижимаюсь, глаз с него не свожу…

Вовка внезапно метнулся к ближнему забору, припал к нему и, вытянув тощую немытую шею, тревожно завертел головой, изображая, как он выслеживал незнакомца.

Страховщица нервно захихикала.

– Вовка, – скучным голосом сказал «купчина», – тебе же сказали: не придуряйся!

Вовка мгновенно увял, отлип от забора и таким же скучным голосом поведал, что патлатый свернул в проулок и больше он его не видел, не считая того, что «встрел на возвратном пути», приблизительно через час, когда шел по тому же делу (тут красные Вовкины глаза опять совершили замысловатый вираж). Патлатый торопливо уходил из деревни.

– Я сильно занят был, – виновато сказал Вовка. – Не то непременно проследил бы за ним. Да и кто же знал…

Он не договорил, испуганно уставившись на Инну, которая вдруг громко ахнула и схватилась за горло.

Все как по команде обернулись к ней.

– Что с вами, девушка? – официально осведомился инспектор. – Вам плохо?

– Это же Голубцов, это же Голубцов! – вскричала Инна.

– Голубцов? – Опер сделал стойку и выхватил из кармана блокнот совершенно таким движением, как в американских боевиках выхватывают пистолет. – Подробнее попрошу!

– Нина, я тебе рассказывала, помнишь? – Инна схватила ее за руку. Глаза – совершенно черные, возбужденные до безумия. – Он приходил к нам в консультацию и качал права насчет того, что его не стали в больнице лечить. На ноге у него жуткая язва… Хотел затеять процесс против больницы, требовал бесплатного адвоката, а сам-то, господи, бомжара такой, ужасно вонял… Я его поперла! Помнишь?

Нина не помнила, но на всякий случай неуверенно кивнула. Нет, ну правда, разве мыслимо упомнить все, о чем стрекочет Инка по телефону? Она в последнее время стала такая разговорчивая, выкладывает все подряд подружке Ниночке, не заботясь, досуг той или недосуг выслушивать эти откровения. Половина разговоров происходила так: Нина возилась на кухне, зажав трубку между щекой и плечом, то и дело ее роняя и еле успевая подхватить над самым полом, а в это время у нее что-нибудь сбегало или подгорало, Антон ворчал, Лапка хохотала… Да разве тут мыслимо что-то запомнить и вообще – услышать?!

Но ее воспоминания уже никого не интересовали. Инспектор зацепился за слово «адвокат» и в два счета вытянул из Инны, где она работает. И положение несчастной подозреваемой изменилось в одну минуту: опер уже смотрел на нее как на коллегу и твердил, что наверняка это обыкновенная месть, какой часто сопровождается деятельность работников юстиции. Дядя Леша оглаживал бородищу и высказывался насчет того, что беднота завсегда норовит причинить урон крепкому достатку. Косился он при этом почему-то на Вовку, а тот вытирал уголки глаз и смотрел в небеса, словно искал защиты у высших сил. Страховщица теперь сочувственно улыбалась и говорила, что, конечно, «ваше имущество» следовало застраховать на еще более крупную сумму, потому что «вещи, конечно, были очень хорошие, прямо как в городе». Даже соседка, дом которой пострадал от взрыва и пожара больше остальных, внезапно сменила гнев на милость и пригласила погорелицу зайти к ней, выпить чайку, «а также подружку вашу и девочку, а то оне совсем сморились».

«Оне» с радостью приняли приглашение и провели час за чаем с молоком и оладьями со сметаной, пока наконец все формальности не были исполнены и

подруги не смогли уехать. Да, в самом деле, время прошло совсем недурно, если забыть о том, почему среди бела дня в доме было включено электричество: окна-то забиты, новое стекло соседкин муж только вечером из города привезет, а за этими разбитыми окнами зияет черная, обгорелая яма бывшей Инкиной «игрушки».

* * *

– А нас сегодня грабили! – встретил Николая Круглов.

Лицо его сияло таким счастьем, как если бы он сообщал не об ограблении, а о неожиданном подарке. Например, об увеличении количества машин на линии или о своевременной выплате зарплаты, что было бы, конечно, еще приятнее. Но Круглов так непосредственно выражал восторг оттого, что дежурство закончилось, а было оно совсем не пыльным, практически всю ночь удалось проспать на подстанции, а сейчас он пойдет домой и на трое суток сможет забыть и о дежурствах, и о «Фольксвагене» с надписью «Интенсивная терапия» над ветровым стеклом, и вообще о существовании такого понятия, как скорая медицинская помощь.

Николай подумал, что вряд ли его хмурая физиономия сможет послужить зеркальным отражением кругловской: ему-то все «радости» дежурства еще только предстояли, – однако все же выдавил понимающую улыбку:

– Нарки приходили? К Ане?

– Все ты заранее знаешь! – надулся было Круглов, но желание поболтать оказалось сильнее: – Они, родимые! Мы сели поужинать, а Анна Васильевна вышла руки помыть – и вдруг кричит, как на пожаре. Выскочили, а она держит за руку парня, а у того все пальцы в крови. Мы даже не поняли ничего сначала, а он вдруг плакать начал, представляешь? «Я, – говорит, – оранжевую коробочку искал, а вместо этого наткнулся на стекло! Как вам не стыдно?!» То есть это нам должно быть стыдно!

– А что, Аня опять халат в коридоре где попало бросила? – недоверчиво спросил Николай.

– Ну да! Горбатую могила исправит, честно тебе говорю!

Анна Васильевна, отличный реаниматор, обладала одним странным свойством: когда врачи на подстанции садились обедать или ужинать, она имела обыкновение бросать свой белый халат в самых неподходящих для этого местах. К примеру, прямо в большом обшарпанном коридоре, где-нибудь на подоконнике. А поскольку в кармане у каждого доктора всегда лежит оранжевый футляр с наркотиками, эту ее небрежность вполне можно было квалифицировать как преступную халатность. Ведь опытный, уважающий себя нарк отлично знает о существовании такой коробочки. Рассказывали жуткий случай, когда свихнувшиеся от отсутствия кайфа ребятки организовали ложный вызов «Скорой» и напали на доктора, чтобы завладеть оранжевым футляром. Анна же Васильевна по непонятной забывчивости постоянно искушала судьбу. А поскольку линейная подстанция – это сущий проходной двор, бестолковое нагромождение обшарпанных, наполовину пустых и бесполезных комнат (до революции здесь размещались нумера, а где теперь гаражи – были конюшни), ни о какой охране здесь и слыхом не слыхали, то дежурные врачи в компании с фельдшерицами и водителями раз или два догоняли похитителей уже далеко за воротами подстанции. То-то зрелище было! Анне Васильевне объявляли выговоры, однако тем дело и кончалось. Какое-то время она блюла бдительность, однако вскоре белый халат вновь беспризорно валялся на облупленном подоконнике.

Но, оказывается, кое-какие уроки из своего горького опыта Анна Васильевна все же извлекла. Например, нынче ночью достала коробочку из халата, оставив в кармане только использованные ампулы, которые, между прочим, должна была сдавать для отчета. Они-то и повредили шаловливую наркоманскую ручонку до крови.

– Ну и как? Облегчили страдания бедного раненого?

– А то! Клятва Гиппократа обязывает, – усмехнулся Круглов. – Прижгли раны йодом, обмотали бинтом – и гуляй, Вася.

– То есть вы только его физические страдания облегчили? А как насчет химических? Неужели не отжалели дозу?

– Какие-то шутки у тебя, Коля… не наши, я бы сказал! Ну, ладно, пошел я, пока!

– До встречи.

Николай покосился в облупленное зеркало, висевшее около двери. Ну и видок… Когда он появлялся на работе вот такой угрюмый, с чернотой под глазами, фельдшерицы, он знал это, шушукались за его спиной. А напрасно, между прочим. Он жил один, и ночи его были одиноки. Если не считать общения с какой-нибудь «Сердечно-легочной реанимацией», «Терапевтическим справочником Вашингтонского университета» или «Клинической кардиологией», которые он читал ночами в надежде нагнать сон, однако вчитывался так, что засыпал уже под утро перед самым звонком будильника. А кто виноват, кроме него, что делать нечего ночами, только книжки читать? Женись, если уж так тяготит собственное общество!

Жениться – не проблема. Только вот на ком?

– Коля, ты пришел? – налетела на него фельдшерица Люба. Она не ходила, а именно летала по коридорам, то и дело норовя сшибить кого-нибудь с ног, такая в ней била неуемная энергия, особенно по утрам. – У нас уже вызов.

– Дай хоть дежурство принять, – вздохнул Николай. – Иди в машину, я сейчас, только распишусь. А куда едем? Надо надеяться, не на Горького, 208?

– Коля, тебе бы деньги гаданьем зарабатывать, – хихикнула Люба. – Такое наше дурацкое счастье!

Николай скрипнул зубами. Вот уж правда что счастье… До чего же хреново, когда дежурство начинается с визита на Горького, 208! Обычно его утренняя хандра расходилась после первого же вызова, после первого же взгляда на страдающего человека, испуг в глазах которого скоро сменялся доверием и покоем. И это делал Николай! Чем больше было за день вызовов, тем лучше он себя чувствовал к вечеру. Нет, усталость и все такое – это само собой. Но до чего легко и свободно становилось на душе! «Может, я какой-нибудь энергетический вампир? – думал он иногда чуть ли не с опаской. – Подпитываюсь человеческими страданиями?»

Да какой там вампиризм! Работа иной раз так выматывала его, что приходил домой сам не свой от усталости. А силы придавало, извините за банальность, осознание своей нужности и незаменимости для этих людей. Ну что поделаешь,

если эти чертовы банальности так верны! Но все шло насмарку, если день начинался с такого вот вызова на Горького, 208.

– Карма у тебя такая, – шутил Круглов, который по этому адресу не был ни разу. – Расплачиваешься за грехи, совершенные в прошлой жизни!

Вот разве что…

Шофер Витек отчаянно зевал в кабине и громко захлопнул рот при виде Николая. Поручкались, как водится. Витек ничего не спрашивал – уже знал, куда ехать. Этот адрес был буквально в трех минутах. Зарулили в длинный узкий двор, образованный двумя девятиэтажками, которые тянулись аж до площади Свободы, остановились в «кармане». Николай и Люба сразу пошли к беседке, которая притулилась под оградой детского сада. Еще с улицы увидели поджатые ноги в огромных, разношенных башмаках с давно отлетевшими каблуками и подметками, просившими каши.

Николай обреченно кивнул. Кто это выдумал, дескать, люди наши бездушны и неотзывчивы? Глупость! Только врачи «Скорой помощи» знают, сколько раз на день им приходится выезжать по случайным звонкам. Переполошенный вопль: «Человеку стало плохо на улице! Человек без сознания!» Машина летит, завывая сиреной… Иногда, конечно, не завывая: это уж в зависимости от опытности врача. Поработавшие хотя бы годик отлично знают, что увидят в девяти случаях из десяти: субъекта с попорченной физиономией (о таких в народе говорят: «Не справился с автопилотом, потерся об асфальт!»), который именно в ту минуту, когда подъезжает «Скорая», конфузливо поднимается с травы или выбирается из сугроба, а рядом причитает какая-нибудь сердобольная пенсионерка, которой делать нечего, вот она и устроила всю эту бучу, не в силах усмирить застарелое человеколюбие…

Голубцов был именно одним из таких объектов неразборчивого человеколюбия. Бомж (или, как говорят на Дальнем Востоке, бичмэн) с солидным стажем, он от первых мартовских серьезных оттепелей до ноябрьских заморозков обитал в этой беседке, превратив ее в свою вотчину и начисто отшибив у остальных представителей рода человеческого охоту заходить туда. Вот только детей притягивало в беседку как магнитом: их иногда необъяснимо манят к себе непристойные слова, тайны человеческих отправлений, любая патология и вообще всякая гадость.

Голубцов был существом безвредным, хотя и отвратительным. На голени у него зияла чудовищная трофическая язва, настолько запущенная, что в ней уже водились опарыши, попросту черви, и вообще, дело дошло до гангрены. Когда рана была еще невелика, Голубцова честно пытались лечить. Всякий врач, вызванный соседями, которые вдруг замечали, что местная достопримечательность уже несколько часов лежит недвижима («Человеку стало плохо во дворе! Человек без сознания!»), приведший Голубцова в чувство (налицо было, как правило, крепчайшее алкогольное опьянение) и увидевший эту жуть на его нижней правой конечности, считал своим долгом отвезти страдальца в больницу. Очухавшись и обнаружив, что его заточили в пахнущее лекарствами узилище, вымыв и переодев против его воли, Голубцов устраивал страшнейшие скандалы и при первой возможности покидал лечебное учреждение, после чего вновь водворялся на обжитом месте в беседке. В конце концов он прославился во всем городе как человек, нипочем не желающий лечиться, и медицина завязала со своим альтруизмом. Однако Голубцов именно в это время решил, что он заслуживает всяческого внимания с ее стороны. Он топтался то возле одной больницы, то возле другой, настаивая, чтобы его непременно «положили». У него не было ни паспорта, ни страховки (уж конечно!), ни даже подобия адреса. Напрашиваясь на лечение, он становился жутко грубым и хамил направо и налево. Результат нетрудно было предсказать. Наиболее чувствительные совали ему в руки перевязочный пакет и какой-нибудь стрептоцид, а врачи с нервами покрепче просто вышвыривали бомжа за порог больницы. Ходили слухи, что Голубцов пытался добиться справедливости через милицию и суд, но везде ему давали от ворот поворот. Он продолжал существовать в «своей» беседке, охотно демонстрируя глупеньким деткам свою достопримечательную язву и периодически становясь объектом заведомо напрасного вызова «Скорой помощи». Вот как в данном случае.

– Проснись, Голубцов, – тоскливым голосом окликнул Николай. – Это мы. Твои знакомые.

– Это ми, дельфины, – хихикнула Люба, которая обожала проявить чувство юмора когда надо и не надо.

Николай предостерегающе вскинул руку.

В позе Голубцова вроде бы не было ничего особенного, лежал да и лежал, свернувшись клубком, но Николай уже увидел его странно вывернутую руку с растопыренными пальцами. А скорее, просто почуял … нет, не запах

разлагающейся плоти на голени Голубцова, а это неопределимое, неописуемое никакими словами дуновение, словно душа несчастного бомжа (ведь была у него хоть какая-то душа!) до сих пор прощально реяла над своим прежним жалким обиталищем.

– Батюшки, – прошептала Люба. – Да он уже…

Сообразив, что привычная схема общения с Голубцовым нарушена, подошел Витек.

– Ну что, пошел к верхним людям? – спросил он со скучающим видом. – Давно пора! Э, да он грибочков покушал, – наклонившись, Витек вытащил из-под лавочки, на которой окоченел Голубцов, пол-литровую банку с консервированными грибами. Банка была почти пуста, лишь на самом донышке еще осталось несколько лилово-черных кусочков.

– Это что же, помойники? – с отвращением завзятого грибника, оскорбленного в лучших чувствах, пробормотал Витек. – Или сортирники? Закусил, называется! И чекушка не помогла (рядом с грибами под лавкой валялась бутылочка «Тройного» одеколона).

– Голубец, Голубец! – послышался рядом заносчивый детский голосок. – Покажи своих червяков – на пиво дам!

Бригада «Скорой» обернулась как по команде. У входа в беседку топтался мальчик лет десяти с капризной нижней губой и явными признаками преждевременного ожирения. Мальчик был одет в хорошенький джинсовый костюмчик, который, с одного взгляда видно, покупался не на рубли. В руке он небрежно мял червонец. Рядом с любопытством тянул шею другой мальчишка, одетый примерно так же, только тощий.

– А ну, пошли! – шикнул на них Витек.

Мальцы послушались безропотно, все с тем же равнодушно-пресыщенным видом, но, отойдя на пять шагов, тощий воинственно сказал:

– Ты, козел, гони деньгу. Проспорил, значит, гони.

– Сам ты козел, – обиделся толстый. – Кто же знал, что Голубец сдохнет? Вчера вечером он был как молодой, квасил тут с каким-то… Ладно, подавись своими деньгами.

Он вытащил из кармана курточки пятидесятирублевку и швырнул на землю.

Тощий плюнул на бумажку и не стал подбирать – видимо, обиделся, пошел прочь, гордо вскинув голову. Толстяк тоже проигнорировал проигранные деньги и удалился в противоположном направлении.

– Мама дорогая, – потрясенно сказал двадцатилетний Витек. – Ну, молодежь пошла! И такие отпрыски благородных семейств лезли в приятели к Голубцу?! Вот уж правда что – захотелось барыньке вонючей говядинки!

– Слышали, что мальчишка сказал? – перебила Люба. – С Голубцовым вчера кто-то пил, а значит, и закусывал. Вот на что хотите спорю: ночью был вызов токсикологии по поводу отравления грибами!

Спорить никто не решился. Грибов этой осенью уродилось – хоть косой коси. Их и косили все подряд, съедобные с разной ядовитой поганью, так что вызов токсикологии превратился в обыденную мелочь, и Люба вела себя некорректно, заранее зная, что выиграет.

* * *

К своему изумлению, еще со двора Нина увидела свет в кухонном окне. Беспомощно оглянулась, однако «Лада» Инны, помигав красными фонариками, уже выехала со двора.

Лапка, которая спала на ходу, с усилием приоткрыла слипающиеся глаза:

– Ну что ты, ма-а?!

– Посмотри, – шепнула Нина, – у нас на кухне свет горит. А ведь нас дома нету!

– Нету, – согласилась Лапка. – Потому что мы во дворе стоим… Да ты что, мама, это, наверное, папочка приехал!

Самое простое объяснение, однако Антон только вчера утром звонил и распинался, что никак, ни под каким видом не сможет вернуться на выходные. Так что это вряд ли имеет место быть Лапкин «папочка». Выбор других вариантов невелик: или Нина сама забыла погасить свет на кухне, или… или не сработал «ревун». И теперь из ее нового сервиза пьют чай непрошеные гости. Или потягивают из толстостенных стаканов заветный французский коньячок, к которому Антон позволял себе прикасаться только при больших стрессах…

А может, и не пьют они ничего и не потягивают. Может быть, сосредоточенно укладывают в коробки аппаратуру и увязывают в узлы Антонову дубленку, Нинину норковую (из кусочков, правда, но это детали!) греческую шубку, выбрасывают на пол книги в поисках тайника, опрокидывают в свои бездонные карманы шкатулку с драгоценностями, стоящую на туалетном столике…

Нина обернулась. Вон там, около первого подъезда, телефон-автомат, но еще не факт, что он работает. И все равно надо попытаться позвонить, не из автомата, так от кого-то из соседей. Вызвать милицию! Пусть дома никого нет, пусть она сама забыла про свет, пусть ее поднимут на смех и даже обматерят – учитывая вчерашний звонок киллера, нельзя пренебрегать никакими правилами предосторожности!

Она уже дернулась было к телефону, как вдруг дверь их подъезда распахнулась, оттуда вырвалась темная кудлатая тень и, громко фырча, ринулась прямиком к Нине, волоча за собой тщедушную женскую фигурку.

– Тэффи, привет! – зевнула Лапка.

– Добрый вечер, Виктория Павловна, – поздоровалась Нина.

Собака по имени Тэффи – поразительно глупый и добродушный шнауцер – прыгала вокруг них, норовя лизнуть Лапку в лицо и положить передние лапы на Нинины плечи. Виктория Павловна моталась за ней, как консервная банка, привязанная к хвосту, но справиться с собачьим дружелюбием, как всегда, не могла.

Эта парочка была во дворе притчей во языцех. По утрам, часиков этак в шесть, самое позднее – в половине седьмого, Тэффи вытаскивала на прогулку свою едва одетую хозяйку, которая в ярости рычала, забыв о том, что ее слышно во всех окрестных домах:

– Ты все равно будешь меня слушаться! Я тебя одолею, потому что я человек. Я личность, а ты собака! Я сильнее тебя!

– Р-рав! – задорно огрызалась Тэффи и исчезала в соседнем дворе, а в кильватере у нее влеклась несчастная «личность» Виктории Павловны.

– Ой, Ниночка! – обрадовалась соседка минутной передышке: нетерпеливая Тэффи уже задрала ногу возле ближайшего дерева. – Будьте осторожны на площадке. Не вздумайте позвонить в дверь: какой-то негодяй у нас на площадке снял кнопки со всех звонков, вы можете себе представить? И лампочку выкрутил! Приехал Антон Антонович, вот буквально полчаса назад, и как его не убило током, я просто ума не приложу! Это же чудо, что мой Феля как раз решил пойти проверить почту и открыл дверь, а то еще одна минута – и… – Она схватилась за сердце одной левой – правая рука мертвой хваткой держала Тэффи. – Феля так переволновался, что у него чуть приступ не начался. Вы представляете, что было бы, если бы он не открыл дверь?!

– Извините, я что-то не поняла, – робко пробормотала Нина. – Феликс Иванович пошел за почтой, а в это время Антон… Антон приехал, что ли?!

– Ну да, я же говорю, – закивала Виктория Павловна, и тут окончательно проснувшаяся Лапка, закинув голову, завопила на весь двор:

– Это папочка свет на кухне включил, а никакие не воры! Пошли, мама, ну пошли, хватит болтать!

– Извините, Виктория Павловна! – только и успела крикнуть Нина, и Лапка затащила ее в подъезд с тем же напором, с каким встрепенувшаяся Тэффи понеслась на поиски вечерних приключений.

Лифт работал, через несколько мгновений Нина с Лапкой оказались на своей площадке. И правда – лампочка не горит, а в тусклом свете, падающем из дверцы лифта, видно, что вместо кнопки электрического звонка справа от двери

с цифрой 101 зияет дырка. Впрочем, в ту же минуту дверь распахнулась, и Антон, щурясь, встал на пороге:

– Нина? Лапка? Где вы, интересно, ходите?

Лапка повисла у него на шее, обхватив руками и ногами.

– Э, потише! – недовольно буркнул Антон, подхватывая ее одной рукой – в правой он сжимал отвертку-индикатор и электрический фонарик. – Ты меня когда-нибудь с ног свалишь.

– Привет, – Нина чмокнула губами возле его щеки. – Мне Виктория уже рассказала об этом кошмаре. Ну и денек! А что, здорово тебя могло бы дернуть? И почему ты вернулся, что-то случилось? Ты же вроде бы собирался до вторника быть в Москве?

– Дернуть, золотко, это не то слово, – неприятно усмехнулся Антон, отступая в глубь коридора и давая Нине возможность запереть дверь. – Ты сегодня вечером имела шанс без особых хлопот остаться вдовой.

– Ну уж… – недоверчиво протянула Нина, однако мурашки невольно пробежали по спине.

– Да уж! – Антон поставил Лапку на пол и легонько подтолкнул: – Давай, беги спать, девуля!

Она жалобно посмотрела на отца, но не посмела ослушаться – побрела в ванную.

Нина раздула ноздри – ее всегда бесило это подчеркнутое равнодушие Антона к дочери, – но тут же вспомнила вечернее происшествие и попыталась выразить хотя бы подобие сочувствия:

– Антоша, мне так жаль…

– Жаль, что ты шлялась невесть где, когда должна была дома сидеть и мужа ждать, – с тем же неприятным оскалом ответил он. – Понимаешь, если бы наш неугомонный Феля не вылез за почтой, я уж точно влип бы в эту кнопку, и

неизвестно, сколько б меня тут било и дергало, пока не отпустило бы. А ведь о том, что при поражении электрическим током первым делом нужно делать непрямой массаж сердца и искусственное дыхание, очень мало кто знает. Так что же, мне тут подыхать предстояло, пока ты где-то моталась? И зачем было ребенка с собой таскать в такую пору?!

– Не могла же я ее одну бросить, – пролепетала Нина, как обычно, чувствуя себя совершенно беспомощной перед несправедливыми упреками Антона. – И потом, мы нигде не мотались, мы еще вчера уехали к Инне на дачу. Знал бы ты…

Она прикусила язык, но было уже поздно. Честное слово, скажи Нина, что провела этот вечер на панели, а Лапка присутствовала при ее любовных играх с чужими мужиками, реакция не могла быть более бурной!

– С Инной?! – Антон смотрел дикими, ревнивыми глазами. – С этой сводней? Думаешь, я не знаю, что она меня ненавидит, что она на все готова, только бы ты дала мне отставку? Ты же слышала, она Лапку приблудной называла, ублюдком…

– Но это было только раз, и только по большой пьянке! – отчаянно вскрикнула Нина.

– Это было на нашей свадьбе! Она нам всю свадьбу испортила!

– Ничего она не испортила! И она потом ужасно извинялась, тысячу раз просила прощения! Да и вообще, какая разница, что говорит Инна, куда важнее, что это не я говорю, и мне плевать на ее глупости, ты же знаешь, как я люблю Лапку! Ведь я удочерила ее, ну, Антон, ну будь же справедлив!

– Не сомневаюсь, что ты об этом широком жесте двадцать раз пожалела, – словно бы выплюнул он в лицо Нине. – А что касается Лапки, она мне рассказывала, с какими «дяденьками» тебя знакомила «тетя Инна», как ты им улыбалась…

– Не смей! – неожиданно для себя закричала Нина так громко, что у нее зазвенело в ушах. – Не смей использовать ребенка в своих гнусных целях! Ты все врешь, врешь!

Антон мгновение смотрел на нее прищурясь, потом тихо спросил:

– Это какие же у меня могут быть цели, хотелось бы уточнить? Вдобавок гнусные? Ты что имеешь в виду?

Эх, надо было промолчать, отвернуться, уйти на кухню или в другую комнату, в ванную к Лапке, наконец, но Нине уже попала вожжа под хвост:

– Какие? А ты как будто не знаешь, невинный мальчик! Знаешь, кто мне звонил вчера днем? Угадай с трех раз! Тот самый мужик, которого ты нанял, чтобы меня отправить на тот свет. Ему, видишь ли, показался маловат гонорар, вот он и решил поправить дело за мой счет, в том смысле, что, может, я захочу… как это? – а, перевести стрелки и заказать тебя!

Антон смотрел на нее, растерянно моргая. Рука его дернулась вверх – раньше, пока Антон не сбрил бороду, в минуты наивысшего затруднения была у него такая привычка: дергать тугие рыжеватые пряди, – ну а теперь только и осталось, что помять вяловатый подбородок, слишком маленький для его длинного, костистого лица, и буркнуть, хлопая густыми ресницами:

– Крыша в пути! И едет все дальше и дальше!

В следующее мгновение, отшвырнув фонарик и отвертку, он подступил к Нине, прижал ее к стене, вытянув около головы руки и не давая двинуться:

– Так, значит, я решил тебя убить, да? Тебе брякнул это какой-то придурок, и ты сразу поверила, да?

Его голубые глаза так и сверлили ее лицо, дыхание обжигало. Молнией проблеснуло воспоминание: Лапка спит, она собирается уходить, и вдруг Антон вот так же припирает ее к коридорной стенке и, жарко дыша, бормочет: «Не уходи! Останься! Неужели ты не видишь, неужели ты до сих пор не поняла, что нужна не только Лапке, но и мне? Мне!» На миг показалось, что вот сейчас его губы точно так же скользнут по ее шее – и все это закончится тем же, чем закончилось тогда, давно: пылкими объятиями прямо на полу, потом – в постели, но он только опять оскалился и резко отстранился.

Отвернувшись и явно остывая, проворчал:

– Ты мозги-то заставь работать! Если бы я замышлял твое убийство, за каким чертом мне возвращаться сегодня раньше времени и соваться голыми руками в эти 220 вольт? Спокойно мог бы подождать, пока ты вернешься и первая позвонишь в квартиру! И вообще, почем я знаю, может быть, это ты сама всю эту историю со звонком и выкрученной лампочкой подстроила?

Вместо того чтобы сказать и ему про крышу в пути, Нина так растерялась, что глупо пролепетала:

– Да ты что, Антон? Ты же сам не веришь тому, что говоришь! Я ведь была уверена, что ты не приедешь раньше чем во вторник. И мы уехали к Инне именно потому, что…

– Конечно! – шлепнул он себя по лбу. – Дурак я, дурак! Не сомневаюсь, что ты своим куриным умишком не смогла бы додуматься до такого невинного убийства! Зуб даю: это пришло в голову твоей Инночке, этой леди Макбет недоделанной, этой Мэри Бренвилье из Нижнего Новгорода!

– Хватит! – Нина рванулась вперед, подхватила на руки Лапку, которая как раз вышла из ванной в пижамке и теперь растерянно таращилась на родителей, – и метнулась в детскую.

Руки у нее так тряслись, что она с трудом разобрала Лапкину постель. Чуя недоброе, девочка без звука юркнула под одеяло, свернулась клубочком, крепко зажмурилась и только слабо шевельнула губами в ответ на Нинин поцелуй. Но стоило той шагнуть к выходу, как Лапка жалобно прошелестела:

– Ма, не уходи. Посиди со мной.

Нина покорно села – главным образом потому, что Антон все еще ходил туда-сюда по коридору, а видеть его она не хотела сейчас ни за какие деньги. Но сидеть на краешке узенького Лапкиного диванчика было так неудобно, что она прилегла, просунув руку под дочкину подушку и вцепившись в спинку диванчика, чтобы не упасть. Лапка довольно заурчала и буквально влипла в спинку, чтобы дать Нине больше места:

– Мамочка, поспи, отдохни, ты устала! – И тотчас успокоенно засопела, как всегда, мгновенно провалившись в сон.

Ничего себе отдохни! Нет, Нине совсем не улыбалось, проведя прошлую ночь на заднем сиденье Инкиной «Лады», снова ночевать абы как, вытянувшись «солдатиком» на краешке дочкиного дивана. И все-таки уж лучше так, чем снова выяснять отношения с Антоном! Он ведь никогда ей слова не дает сказать.

Конечно, Антона можно понять. Спешил, летел, так сказать, домой, дрожал, вот счастье, думал, близко, порадую любимую (ну, нелюбимую, но это уже детали!) женушку внеплановым возвращением, а тут убийственный капкан на вернувшегося навострен, жены дома нету, и встреча любящих супругов плавно переросла в бурную ссору, чуть до рукоприкладства дело не дошло! А ведь и у Нины были причины выйти из себя. Эта жуть с Инниной дачей…

Хорошо, что она так и не нашла времени упомянуть о пожаре. Самое любезное, чего дождалась бы от Антона: «Так и надо твоей сводне!»

Ну что с ним происходит, почему он стал таким? Даже не стесняется впутывать Лапку в грязные измышления насчет каких-то мифических «дяденек»!

Да, Антон изменился просто неузнаваемо. А она сама? Ведь уже не в первый раз они орут друг другу что попало, лишь бы только ударить побольнее! Это уже в привычку вошло. Если бы Нина только могла предположить, чем обернется для нее этот брак, который начинался так светло и романтично, разве согласилась бы она на предложение Антона?

Согласилась бы. Потому что Лапка…

Она покрепче обняла дочку и наконец-то заснула.

* * *

Об их встрече можно было бы написать святочный рассказ в духе Лидии Чарской. О том, как жила-была маленькая девочка Лапка, которая больше всего на свете хотела, чтобы у нее была мама. Собственная Лапкина мама умерла, рождая девочку на свет, но ей в этом никто не признался. Лапка была уверена,

что мамочка просто куда-то уехала, но однажды непременно вернется. Дома оставалась только одна мамина фотография: маленькая, нечеткая, но Лапка часто смотрела на нее и представляла, какая она – ее мама? Судя по неохотным и скупым рассказам отца, мама была высокая, с густыми русыми волосами и серыми глазами. На улице Лапка засматривалась на всех молодых и высоких русоволосых женщин, заглядывала в их серые глаза и ждала: вот сейчас эти глаза улыбнутся в ответ, вот сейчас незнакомая женщина радостно воскликнет: «Лапка! Это ты! Я тебя сразу узнала!» – и мама вернется.

Лапка очень горевала, когда они с отцом переехали в Нижний Новгород. После подмосковного поселка Дубровного, где Лапка жила у няни Кати, город показался ей слишком большим и шумным. И без няни Кати было плохо, потому что папа ничего не умел, у него убегало молоко и пригорала каша, яйца он варил только вкрутую, а Лапка любила только всмятку, от крутых у нее болел живот… Но это ничего, это ерунда, гораздо хуже, что теперь их не смогла бы найти мама! Например, она приедет в Дубровный, начнет ходить по улицам и искать свою дочку, но как же ее найдет, если Лапки там нет? Конечно, няня Катя сто раз дала Лапке честное слово, что она сразу скажет маме, где ее дочка, чтобы та могла приехать в Нижний, но Лапка почему-то в это не очень верила: няня Катя была такая забывчивая! Она даже в магазине умудрялась забывать покупки. Заплатит за хлеб или колбасу – и забудет все это на прилавке. Хорошо, если продавщица напомнит. А если нет? Папа ей всегда говорил: «Катерина Петровна, вы помните, что я вам говорил относительно Лапки? Не поощряйте ее фантазий! Смотрите, не забудьте!» – и лицо у него при этом было такое недовольное…

И еще было плохо, что папа сразу отдал Лапку в детский сад, где все друг на дружку орали как сумасшедшие, что дети, что воспитатели. К вечеру у Лапки начинала болеть голова, она садилась в уголочке и тихо плакала, не в силах дождаться той минуты, когда придет папа и заберет ее отсюда. Но вот он появлялся (иногда очень поздно, когда всех детей уже разбирали, Лапка оставалась одна со сторожем), а лучше не становилось. Папа всегда молчал, он не любил рассказывать сказки и читать их Лапке не любил, он покупал ей кукол, много новых кукол, но они ведь тоже молчали, все время молчали! Только видик не молчал. Вечерами Лапка смотрела мультики, потом ужинала невкусной кашей и ложилась спать. Иногда среди ночи она просыпалась оттого, что было страшно, ей хотелось позвать маму, но тут же она вспоминала, что мамы нет, она еще не нашла свою дочку и, может быть, никогда не найдет…

Но она ее нашла!

Нина в тот вечер возвращалась домой около девяти: у нее была вечерняя группа. В школе она работала только на полставки, денег не хватало, вот и устроилась в Доме культуры речников вести кружок рисования и лепки. Здесь ей по-настоящему нравилось, вот только дважды в неделю приходилось возвращаться поздно, уже в темноте. Ну и что? В конце концов, никто ее дома не ждал, она была сама себе хозяйка, хоть в два часа ночи заявляйся, кому какая разница?

Автобусы в это время уже ходили плохо, Нина долго дрогла на остановке (стоял на редкость ветреный май); наконец появился 61-й, набитый под завязку. Однако Нина умудрилась не только войти в заднюю дверь и ввинтиться в середину, где всегда свободнее, но и плюхнуться на чудом освободившееся сиденье, ловким поворотом обойдя какого-то ярого ветерана. Ничего! Не такой уж он немощный, вполне справный мужик, небось дома еще вовсю за своей бабкой ухаживает. Постоит. И вообще, он пенсионер, дома сидел целый день, куда поперся на ночь глядя? А она с утра на ногах, да еще угораздило надеть новые, еще не разношенные туфли… Никакому ветерану не пожелаешь такой участи! И потом, женщина она или не женщина, в конце концов?

Дядька уже утратил интерес к таким тонкостям, и если не сводил с Нины жгучего взора, то вовсе не из-за ее принадлежности к слабому полу и уж точно – не по причине неземной красоты. Нина отвернулась от ненавидящего взгляда и уставилась в окошко. Автобус медленно вползал на площадь Минина, фигура ветерана страдальчески моталась в темном стекле, и Нина закрыла глаза, чтобы какое-нибудь угрызение совести не прокралось ненароком в ее сердце. Так, в полудреме, она миновала всю Варварку, площадь Свободы, а как только отъехали от оперного театра, послышался злой старческий голос:

– Женщина, уступите место мужчине с ребенком!

Нина оглянулась, не поверив своим ушам. Точно, злопыхатель-ветеран обращался именно к ней, хотя на ближних сиденьях вовсю отдыхали молодые кожаные люди, сонными, незрячими взорами окидывая высокого мужчину с девочкой на руках и делая вид, что его вовсе не существует. Девочка крепко спала, оттягивая руки отцу. Автобус тряхнуло, мужчина споткнулся, с трудом удержался на ногах…

Нина привскочила:

– Садитесь, пожалуйста. Извините, я вас не видела…

– Не видела она! – громко возмущался ветеран. – Расскажи кому-нибудь другому! Глазки закрыла – вроде спит. Совесть твоя спит! Нахалка!

Нина сконфуженно взглянула на парня с ребенком – и встретила сочувственную улыбку.

– Ничего, ничего, сидите, – сказал он негромко. – Вы же тоже устали, я вижу. Но, если не трудно, возьмите дочку на руки.

– Давайте! – радостно согласилась Нина и приняла спящую девочку на колени.

Ветеран, возмущенный тем, что «нахалка» осталась-таки занимать сиденье, издал шипение сродни змеиному и полез, расталкивая людей, к двери. То ли признал свое поражение, то ли время пришло ему выходить.

Нина мгновенно забыла о его существовании, всецело занятая тем, чтобы устроить девочку поудобнее. Однако та уже сама прижалась к ней, положила голову на плечо, стиснула двумя руками Нинин палец и, невнятно выдохнув: «Мамочка…» – снова погрузилась в сон.

Нина покосилась на ее отца. Он смотрел хмуро. Наверное, ему было неприятно, что дочка, пусть и во сне, называет мамой совершенно постороннюю женщину. Наверное, он ревнует.

Нина отвернулась к окну, но продолжала видеть в темном стекле его неприветливую бородатую физиономию. Она опять закрыла глаза и всецело отдалась этому незнакомому ощущению детской, теплой тяжести на коленях.

Ей было уже двадцать четыре – самое бы время завести ребенка. Но он все почему-то не заводился. Вот странно: Нина совершенно не комплексовала оттого, что не замужем и даже любовника у нее нет, не чувствовала себя ущемленной в компании подружек, которые являлись со своими «половинами» и гордо демонстрировали их, словно новые платья или шубки. А вот когда то у

одной, то у другой знакомой девчонки, бывшей одноклассницы или однокурсницы, рождался ребеночек, Нина ощущала прилив такой острой зависти, что несколько дней чувствовала себя больной. При этом замуж ей не хотелось совершенно! Вот если бы как-нибудь ухитриться родить без мужа… В принципе дело нехитрое, но, оставшись одна, потеряв родителей, Нина не находила в себе сил на такой антиобщественный подвиг. И зарабатывает она не бог весть что. А если сократят ставку руководителя кружка в Доме культуры, о чем поговаривают уже второй месяц? И вот-вот выйдет из декрета штатная преподавательница рисования, которая была в отпуске по уходу за ребенком, Нину-то взяли в школу на ее место временно… Она, конечно, устроится куда-нибудь еще, но об этом просто рассуждать, пока она одна, а если на руках окажется крохотное, беспомощное и совершенно неразумное существо?

Вот этой девочке, что дышит Нине в шею, уже, наверное, лет пять, с ней вполне можно разговаривать как со взрослой, ей можно объяснить, куда и зачем уходит мама, ее даже можно ненадолго оставить одну дома, уговорив не плакать, мамочка, мол, скоро вернется и принесет тебе конфетку. Или что-нибудь в этом роде.

– Спасибо вам, мы на следующей выходим, – наклонился к ней мужчина и осторожно начал поднимать дочку. Нина от растерянности продолжала прижимать девочку к себе, та по-прежнему не отпускала ее палец.

– Лапка, просыпайся! – тихонько окликнул отец, и девочка, распахнув большие, сонные глаза, уставилась на Нину.

«Сейчас испугается незнакомого лица и заплачет!»

Нина мысленно обшарила карманы плаща в поисках какой-нибудь конфеты или хотя бы пластинки жевательной резинки, однако она прекрасно знала, что там нет ничего, кроме носового платка. Она только может утереть этой крохе слезы.

Однако девочка пока явно не собиралась плакать. Сонный туман постепенно исчезал из ее глаз, Нина разглядела, что они темно-серые, в каемочке влажных, нарядных ресниц. Эти глаза смотрели на Нину без страха, но как бы недоверчиво, и вот вдруг в них вспыхнула улыбка, а потом девочка тихо прошептала:

– Мамочка! Ты пришла! Ты меня нашла! Мамочка моя! – и, крепко обняв Нину за шею, уткнулась в ее плечо.

Какое-то мгновение Нина сидела без движения, совершенно ошеломленная, потом осмелилась поглядеть на ее отца. Она не сомневалась, что увидит раздраженную гримасу, однако изумилась еще больше. Пред ней было лицо вконец растерянного человека, до того, что в его глазах появилось несчастное выражение. Он явно не знал, как выпутаться из этой ситуации, не огорчив дочку и не обидев женщину, которая удостоилась таких щедрых проявлений детской любви.

– Вы, кажется, выходите? – с трудом протолкнув слова сквозь комок в горле, произнесла Нина. – Это и моя остановка. Давайте я пока девочку понесу, а то она спросонья, видите…

Мужчина с готовностью закивал и начал пробираться к выходу. Нина следовала в кильватере с девочкой на руках. Существо со смешным именем Лапка обвило ее руками и ногами, шумно и влажно дышало в шею и все бормотало: «Мама! Ой, моя мама!», внося смятение в Нинину душу.

Она была уже на грани слез, когда наконец вывалилась из автобуса и, протолкавшись сквозь толпу жаждущих ехать в Четвертый микрорайон, добралась до Лапкиного отца. Он потянулся было к дочке, но вдруг всплеснул руками:

– Туфелька! Она потеряла туфельку!

Нина ахнула, поглядев на ножки девочки. И правда: одной туфли нету, из рваной колготки торчит пальчик с неровно обрезанным ноготком.

– Погодите, я сейчас, – велел отец и, бросившись к автобусу, энергично ввинтился в толпу.

В следующее мгновение дверцы сомкнулись, автобус тронулся. До Нины еще донеслось, усиленное микрофоном: «Спать надо меньше! Следующая остановка – Надежды Сусловой!»

«Спать надо меньше», по-видимому, относилось к отцу девочки, который пытался выйти, но оказался пленником автобуса номер 61.

Какое-то мгновение Нина стояла в полной растерянности, потом засунула разутую Лапкину ногу в карман своего плаща, чтобы не зябла, и пошла по тротуару вниз, к следующей остановке. Дом ее, правда, остался позади, но какая разница, окажется она там сейчас или через полчаса?

Наверняка Лапкин отец выскочит на следующей остановке и рванет навстречу Нине. То-то страху натерпится, бедняга, можно себе представить! Оставил дочку с совершенно незнакомой женщиной, кто ее знает, что у нее на уме, вдруг канет сейчас в один из множества проходных дворов – и поминай как звали! Тем более что он ничего вообще не знает о Нине, даже имени.

Она прошла несколько шагов, вглядываясь в темноту впереди, и подумала, что, пожалуй, основания для страха есть не только у Лапкиного отца, но и у нее самой. С ней оставил девочку совершенно незнакомый мужчина. А ведь кто знает, что у него на уме? Может быть, это и не дочка его вовсе, может быть, он ее где-то похитил, а потом спохватился, испугался – и решил бросить, избрав для этого такой хитроумный способ. Небось он уже сиганул в один из проходных дворов – и поминай как звали. А Нина вообще ничего о нем не знает, даже имени.

По идее, ей должно быть страшно. Однако никакого страха почему-то не ощущалось. «Ну и пусть сбежит, – подумала она отстраненно. – Обращусь в милицию, в конце концов. Не сейчас, конечно, а утром. Лапка выспится, успокоится, сможет связно рассказать, как ее фамилия, где она живет…»

Нина уже совсем было решила не идти на следующую остановку, а повернуть домой, но в это мгновение увидела мужскую фигуру, сломя голову несущуюся навстречу снизу. И остановилась, ощутив вдруг странную пустоту в сердце и даже в руках, словно Лапку у нее уже отобрали.

Тот парень набежал на нее и обхватил руками вместе с дочкой, словно еще не мог поверить, что все его тревоги уже позади. Он шумно дышал и не мог ни слова выговорить.

– Ради бога… – промолвил он наконец, – ради бога, извините! Закрылись дверцы, а когда я закричал, требуя остановиться, водила рявкнул в микрофон: «Спать надо меньше!» Я его чуть не убил, так разозлился, думал, как вы тут с Лапкой…

– Да ничего, все нормально, я даже рада, – ничуть не покривила душой Нина. – Она опять спит.

Он попытался заглянуть в дочкино лицо, но оно было спрятано между Нининой шеей и плечом, он ничего не разглядел, а его жаркое дыхание обожгло Нине щеку.

Постояли молча.

– Ну, давайте, – наконец спохватился отец. – Нам пора домой.

– Ничего, – сказала Нина. – Вы ведь где-то там, наверху, живете?

– Ну да, прямо напротив остановки.

– Правда? Я тоже. Так что пойдемте, я Лапку еще немножко понесу. Пусть спит.

Руки начали уставать, но Нина ни за что бы не призналась в этом, шла еле-еле, оттягивая неизбежную минуту разлуки.

И вот подъезд – в серой панельной пятиэтажке напротив точно такой же Нининой.

– Ну что, попрощаемся? – улыбнулся парень.

В это время Лапка с новой силой прижалась к Нине и тихонько захныкала, словно не желая с ней расставаться.

– О господи! – смятенно вздохнула Нина. – Давайте я вас лучше до квартиры провожу.

Вошли в подъезд, который почему-то показался гораздо светлее и чище ее собственного. И кошками там не пахло.

Антон жил на втором этаже. Жаль, что не на пятом.

– Знаете что, – проговорил молодой отец, и Нина крепче стиснула руки, испугавшись, что он возьмет девочку, даже не дойдя до дверей. – Вы не смогли бы зайти ко мне и уложить Лапку спать? Понимаете, если вы сейчас уйдете, она проснется – это будет истерика на всю ночь.

– А ваша жена? – робко спросила она.

– Я живу один с дочерью, вы разве еще не поняли? – сквозь зубы выговорил он. – Моя жена давно умерла, – эти слова были произнесены чуть слышным шепотом. – Но Лапка об этом не знает и все время ищет маму. Кидается ко всем…

– Ко всем? – с острым приступом ревности повторила Нина, и парень резко мотнул головой:

– Да нет, это я неточно выразился. Она смотрит на всех женщин, особенно внимательно на таких, как вы, с короткими русыми волосами и серыми глазами, высоких, молодых, но к вам она как-то особенно прилипла. Ох, господи, извините, что я горожу! Вас, наверное, семья ждет, ладно, извините…

– Открывайте дверь, – сердясь на себя за то, что голос дрожит от счастья, буркнула Нина. – Никто меня не ждет. Я тоже живу совсем одна, даже без детей.

И они вошли в квартиру.

Через неделю Антон перехватил ее в коридоре и сдавленно пробормотал: «Не уходи! Останься! Неужели ты не видишь, неужели ты до сих пор не поняла, что нужна не только Лапке, но и мне? Мне!»

И она осталась, потому что не хотела уходить. Не от Антона, если честно. От Лапки!

* * *

Антона забирала из больницы Инна. Наверное, она и впрямь была близкой подругой жены, потому что многое знала об их доме. Например, где лежат вещи (привезла Антону сумку с одеждой, качество которой его приятно удивило), как открываются замки в их квартире и даже – как отключается жуткий «ревун», охранное устройство.

– Что, правда так сильно воет? – полюбопытствовал Антон.

– Лучше не пробовать, – кивнула Инна, проворно отпирая замки: Антон, сколько ни старался, не мог вспомнить, который ключ подходит к которому из них. – Один раз ты забыл его выключить, так соседская собака на тебя потом месяц бросалась, хотела насмерть закусать.

– Собака! – Антон передернул плечами. – Слушай, я помню…

Инна живо обернулась, даже ключ уронила.

– Помню, вроде бы собак я не любил. Так? Или ты этого не знаешь?

– Знаю. – Она подняла ключ. – Собак очень любила Нина, а тебе больше нравились кошки. Лапка предлагала завести и котенка, и щенка, но вы предпочли не заводить никого.

Кошки! В больнице была толстая наглая кошка, которая ходила по палатам и собирала дань с больных, устраивая настоящие истерики. Персонал носился с ней как с писаной торбой.

Антон покачал головой. Неизвестно, как раньше, но сейчас кошки ему уже не нравились.

Этот незначительный разговор заронил ему в голову интересную мысль. И все время, пока они с Инной ходили по трехкомнатной, но какой-то неудобной, тесноватой квартире, она как бы экскурсию проводила, показывая: «Вон там кухня, ты всегда сидел за столом с этой стороны, у окошка; это Лапкина комната, это все ее кассеты, она больше всего любила мультики смотреть; а это

гостиная; а это спальня», – он так и сяк поворачивал в голове свою мысль, как бы прицениваясь к ней со всех сторон.

Мысль же состояла в том, что его прошлое, настоящее и отчасти будущее в качестве Антона Антоновича Дебрского реальны настолько, насколько этого хочется окружающим. То, что помнят о нем посторонние люди, станет и его воспоминаниями о себе. Он будет усмехаться, «вспоминая», как любил кошек, а собак не терпел и пользовался неприязнью соседской Тэффи, как мог съесть на пикнике четыре шашлыка зараз, как ворчал, если его место около окна оказывалось занятым дочкой. И с отвращением глядеть на ободранный, с небрежно подклеенной ножкой телефонный столик, которому выпала честь быть орудием защиты в какой-то загадочной разборке, происшедшей у него дома (Инна сказала об этом вскользь, а может быть, она просто была не в курсе событий). Он будет злиться при упоминании какого-то Асламова, который беззастенчиво кидал его фирму и принес ему лично немало неприятностей. Он будет с ненавистью думать о том неведомом ему водителе, теперь уже мертвом, который однажды ранним утром врубил слишком большую скорость, не справился с управлением своего джипа и вылетел на повороте на встречную полосу, чтобы погибнуть, убив жену Антона, а его самого погрузив в такую пустоту и темноту, какой и врагу своему не пожелаешь. Одним неосторожным поворотом руля этот лихач вынудил Дебрского отныне поддерживать всю свою жизнь не собственными мыслями и чувствами, а какими-то костыльками, которые ему подставят другие люди. Добро, если это окажется правдой, а если кто-то из них решит солгать? С другой стороны, что есть истина? Сакраментальный вопрос… Добрый рыжеглазый доктор, которого звали Федор Иванович, давал ему в больнице газеты, а на столике всегда лежало захватанное Евангелие, дар какой-то благотворительной организации. Отсюда – из Нового Завета – вопрос об истине. Оттуда – из газет – ответ: истины не существует самой по себе, она всегда субъективна и зависит от человека, который ее выражает. Значит, его «воспоминания» целиком и полностью зависят от правдивости и честности людей, которые находятся рядом с ним. И если кто-то из них решит соврать, например, враг скажет, что они были наипершими, наилепшими корешами… Хорошо, что он заранее узнал, что Дебрский с этой Инной не питали друг к другу особенных симпатий. А не странно ли, что он общается только с людьми, которые его недолюбливают? Инна вот, потом Красноштанов и несколько других сотрудников из «Вестерна», которые смотрели на него с плохо скрываемым отвращением, а также загадочный врач «Скорой помощи» Сибирцев, из глаз которого так и лилась ненависть… Что же за человек был этот Антон Дебрский, если смог восстановить против себя стольких людей, даже совершенно случайных знакомых вроде Сибирцева?

Интересно, хотя бы жена Нина его любила?

Как всегда, мысль об этой погибшей жене поразила Антона, будто хороший удар в солнечное сплетение. Нет, он по-прежнему не ощущал никакого горя, однако чувствовал немалое отчаяние при мысли о хлопотах, которые ему предстоят. Похороны и все такое… Он представил, как сидит у закрытого гроба (там же только обгорелые кости, люди поумирают со страху, глядючи!) с приличным выражением на лице, а кругом толпятся только враги, тоже надевшие по такому случаю маски, – и ощутил такую тоску, что захотел немедленно, прямо сейчас вернуться в больницу. Сию минуту! Такое впечатление, что рыжий Федор Иванович, который знал его не в какие-то там забытые, призрачные времена, а в реальности и в настоящем времени, был единственным человеком, хорошо относившимся к Дебрскому.

– Инна, слушай, я тут подумал… – неохотно начал Антон.

Инна резко обернулась. Она всегда так дергалась, услышав его голос… Почему?

– Я говорю, надо бы подумать о похоронах. Только я не очень хорошо знаю, как это делается. Ты мне поможешь? Все-таки вы с Ниной дружили…

Пристальный, просто-таки пронизывающий взгляд: он вспомнил?! – и сразу глаза тускнеют: ах да, ему об этой дружбе столько раз говорили, что он воспринимает ее как данность.

– Я тоже не очень хорошо в похоронах понимаю, – слабо улыбнулась Инна. – Ничего, вдвоем как-нибудь справимся.

– Ага… У нее есть, в смысле, были какие-нибудь родственники, кроме деда?

– Нет, у деда она единственная родственница.

Довольно странный ответ, наизнанку вывернутый какой-то. Но смысл понятен.

– Ты говорила, что он совсем старик. Как он перенес известие о ее гибели?

– Ну, во-первых, Константин Сергеевич еще весьма и весьма крепок, несмотря на семьдесят пять, его и стариком-то язык не поворачивается называть. А во-вторых, я ему еще ничего не говорила. И, значит, никто не говорил.

– Ты что, хочешь сказать, – с ужасом воззрился на нее Антон, – что он еще не знает о Нининой смерти?!

– Нет. И Лапка, конечно, не знает.

– Она до сих пор у него?

– Конечно. И, судя по голосу, очень этим довольна.

– А как ей объяснили, куда делась Нина?

– Уехала по срочному делу, велела слушаться дедулю и ждать ее.

– Ждать ее? – недовольно повторил Антон. – Наверное, это жестоко… Не знаю, конечно, так сразу ляпнуть тоже ужасно, но девочка будет ждать, ждать, а мама так никогда и не придет…

– Ничего, – довольно хладнокровно пожала плечами Инна. – Лапке не привыкать. Она практически всю жизнь ждет, когда вернется мама. Собственно, к Нине она так прилипла только потому, что та внешне напоминала ее родную мать.

Родную мать?! Дебрский за последние дни неоднократно получал от жизни обухом по голове, но этот удар, пожалуй, был крепче предыдущих.

– Ты хочешь сказать, Нина моя вторая жена? А первая умерла, что ли?

Инна опять пожала плечами. Достаточно красноречиво!

Антон вспомнил анекдот, который слышал в больнице, когда вышел постоять на лестничной площадке вместе с другими пациентами – приобщиться, так сказать, к народу: «Твоя первая жена померла? – Ну да. – А от чего? – Да грибочков поела. – А вторая? – Да тоже грибочков поела. – А третья? – Да грибочки есть не хотела…»

Жуть! Оказывается, Дебрский и впрямь в какой-то степени был чудовищем, если его жены умирали одна за другой. Бедная его дочка, бедная Лапка! Надо как можно скорее поехать к ней, утешить…

Нет. Не надо спешить. Чем дольше она и этот старик, как там его, Константин Сергеевич, будут пребывать в неведении относительно Нининой смерти, тем лучше. Однако до чего ужасно, что это известие вынужден сообщать Антон, притворно печалясь, но не чувствуя при этом ничего, никакого горя! Может быть, даже тайное облегчение…

Он покосился на Инну, ужаснувшись, что она поймет его мысль, и наткнулся на ее напряженный взгляд. И тут же она отвела свои красивые, да, по-настоящему красивые черные глаза.

– Ты, может быть, думаешь, что я Константину Сергеевичу ничего не сказала из малодушия? – спросила она ломким голосом. – Конечно, мне было жутковато, особенно по телефону. Я представила, что ему вдруг станет плохо, а там рядом никого, кроме Лапки, чем она поможет? Но я не только из жалости промолчала. Видишь ли, он со мной говорил как-то очень…

Она облизнула губы, помолчала.

– До вашей свадьбы мы были практически неразлучны с Ниной. Ну, я там уезжала в Москву, но ненадолго.

Опять помолчала. Антону показалось, что Инна чего-то ждет от него, какого-то вопроса, например, про эту Москву, или почему отношения подруг изменились после этой свадьбы, но он ни о чем не спросил, вспомнив, что рассказывал Федор Иванович насчет их первого знакомства. Инна вновь заговорила – тем же натянутым тоном:

– Я имею в виду, что Константин Сергеевич меня сто лет знает, он ко мне отлично относился, даже этак снисходительно и очень изысканно флиртовал, но тут в его голосе звучала такая ярость… даже ненависть… Он очень старался говорить ровно, однако у меня нервы были натянуты, как струны, вот-вот порвутся, и я чувствовала все, все! Видимо, они с Ниной все-таки навоображали кое-что насчет нашей с тобой встречи тем вечером.

– Каким вечером? Какой нашей встречи? – насторожился Антон.

– Как раз накануне Нининой гибели, вечером, Нина с Лапкой неожиданно приехали ко мне, и она увидела тебя курящим на моей лоджии. Ты и не подозревал, что она тебя заметила, что это она звонила в дверь. Мы не открыли, но я потом выглянула украдкой в щелочку и увидела ее с девочкой на руках, уходящей со двора. Я Нину ни с кем не спутаю, я ведь ее с детского сада знаю.

– Так… – пробормотал Дебрский. – Теперь логика событий мне отчасти ясна. Только остается неясным вот что: зачем я был у тебя? По делу? За консультацией? Ведь ты вроде как адвокатесса? Или… не по делу? А?

Он напряженно вглядывался в ее черные глаза, но они блестели так, что за этим блеском ничего было не разглядеть.

– Знаешь что, Антон? – вдруг сказала Инна, и его поразила издевка, прозвучавшая в ее голосе. – Ты очень рискуешь, задавая такие вопросы. Ведь я могу наговорить тебе что угодно. Например, что мы с тобой были страстными, пылкими любовниками, ты был в моей постели чуть не каждый день. И для подтверждения могла бы сейчас потащить тебя в постель. Или сказала бы, что мы вместе обделывали какую-то финансовую аферу и ты мне должен семьсот пятьдесят тысяч баксов. А? Или что мы вообще были повязаны мокрым делом. И тебе бы ничего не осталось, как поверить в это… Да мало ли о чем еще я могла бы тебе наплести, наврать, в конце концов! Наверное, мне бы стоило это сделать, чтобы проверить, насколько глубока твоя амнезия. Почему мне кажется, что ты притворяешься… может быть, не совсем, но в немалой степени?

– А почему тебе так кажется? – глупо переспросил Антон. Честно говоря, он был совершенно ошарашен этими словами!

– Да есть причины… Есть! – Лицо Инны исказилось от ярости. – Вот, например. Если ты ехал за Ниной – за ней, – то каким же образом она оказалась в твоей машине? Я бы поняла, если бы ты мчался уже из Карабасихи, но ты ведь ехал из Нижнего! А она находилась у деда. Каким же образом это получилось?

– Не знаю, – буркнул Дебрский. – Не помню…

Злая судорога прошла по лицу Инны, а потом она резко повернулась и выскочила из квартиры. Сразу загудел лифт – наверное, он стоял на восьмом этаже.

Антон вышел в прихожую. Двери нараспашку! Лифт гудел уже где-то внизу.

Дебрский осторожно, еще путаясь, запер все замки, пожалев, что не может вдобавок к ним задвинуть заевшую внутреннюю защелку. Выключил свет в коридоре и постоял минутку в темноте.

Эта Инна была не просто очень красива. Она оказалась еще и чрезвычайно умна! Именно поэтому Дебрский настороженно отнесся к ней с первой минуты своего «пробуждения». Ну а теперь он ее откровенно боялся!

– Мать твою, – тихо сказал Дебрский. – И тебя тоже – сзади, спереди, сверху, снизу и всяко…

О, вот о чем еще он забыл! Он забыл, какое облегчение и наслаждение приносит человеку простой и родной мат! Какое дарует утешение!

И вот он так стоял и матерился, потому что больше утешаться ему было нечем.

* * *

Несколько дней прошло как обычно. Такая тихая семейная жизнь: Антон рано уходит на работу, возвращается поздно, Нина играет или читает с Лапкой, ходит вместе с ней по магазинам, дважды в неделю водит к учительнице английского, живущей через квартал, а по понедельникам, средам и пятницам, опять-таки в компании с Лапкой, доезжает до Речного вокзала и в Доме культуры речников ведет кружок мелкой пластики. Попросту говоря, лепки из пластилина. Как ни странно, студия при ДК Речфлота еще существовала, ну а ставку учителя рисования в школе вообще сократили. Теперь предмет назывался искусствоведение, и вела его преподавательница домоводства, которая по совместительству была свекровью директора школы. Чудны дела твои, господи!

Нина, конечно, не больно-то билась в поисках работы: Антон вообще предпочитал, чтобы она сидела дома с ребенком. Денег было не так, чтобы на Канары съездить в Новый год, но вполне хватало. Видимо, это был выгодный

бизнес: продавать машины Автозавода, пусть даже беспрестанно соперничая в этом с другими фирмами. Антон часто уезжал: у них были филиалы в ближайших областях и в Москве. Но эти последние дни он никуда не ездил и довольно рано возвращался домой: как всегда, молчаливый, порою угрюмый, но Нину при этом не оставляла мысль, что он хочет с ней о чем-то поговорить, может, попросить прощения, но не решается сделать первый шаг. Ну и она помалкивала, потому что за год их жизни этих первых шагов она сделала столько, что и со счету сбилась!

Инне она позвонила только раз. Та скупо сообщила, что занята страховочными делами, «бьется за каждую копейку», а «этот гад Голубцов», который идеально подходил по всем параметрам на роль поджигателя, не нашел ничего лучшего, как покушать грибочков – и отбросить коньки. То есть на нее опять начали поглядывать подозрительно, учитывая сомнительную личность главного свидетеля Вовки, однако она не сомневается, что страховку все равно выплатят. «А у тебя как? – спросила Инна. – Тот гад объявлялся? Ну, киллер твой!» И, хохотнув, она положила трубку.

Нет, киллер больше не объявлялся. Только его еще не хватало! Дурь, конечно, однако Нина до сих пор дергалась при каждом неожиданном звонке.

Как-то раз Антон вернулся много раньше, чем обычно, у Нины даже ужин был еще не готов. С необычной кротостью он буркнул: «Ничего страшного, я еще не проголодался!» – и сел за телефон. Проходя по коридору мимо гостиной, Нина слышала обрывки фраз – и ничего не могла понять: муж ремонт затевает, что ли? Какие-то мастера, какие-то рамы, стоимость работ, материалов…

Она приуныла: ремонт их квартире совершенно не нужен, его ведь только год назад делали, когда переехали сюда, и у Нины до сих пор портилось настроение, стоило только вспомнить эти кубометры вынесенного мусора, запах паркетного лака, от которого Лапку тошнило, а у нее разламывалась голова, затянувшийся неуют, коробки с книгами, стоящие тут и там, окна без штор (вот это Нина ненавидела больше всего на свете!)…

Однако за ужином ситуация прояснилась. Ковыряя рыбно-овощную котлету (кабачок и горбуша в пропорции пятьдесят на пятьдесят, язык проглотишь, так вкусно!) и не поднимая глаз от тарелки, Антон сказал:

– Нам надо поставить решетки на окна.

Нина с Лапкой переглянулись. Обе разом вспомнили, как, побывав (тайком, во время очередной папиной командировки) в гостях у Инны, которая жила на первом этаже, они с тоской взирали на мир из-за зарешеченных окон. Даже лоджия была забрана решетками. «Как в тюрьме!» – чуть слышно прошептала тогда Лапка.

Выходит, и они теперь будут жить как в тюрьме?

– Антон, а надо ли? Все-таки не первый этаж и не девятый. На верхнем, я понимаю, с крыши можно перелезть, а к нам-то как?

– При известной ловкости не составит никакого труда спуститься с крыши сначала на девятый, а потом и к нам, – сухо ответил муж.

– Ну уж я не знаю, каким это надо быть каскадером, – пожала плечами Нина.

– Зря ты вчера не смотрела «Итоги дня». Там как раз шла речь про таких вот «каскадеров». Неизвестные злоумышленники взяли крепкую квартирку на восьмом этаже такой же девятиэтажки, как наша. Слезли с крыши, затарились, потом открыли дверь изнутри – и привет. Теперь ищи-свищи. Небось хозяева очень переживают, что на балконе не было решеток!

– Ой, и на балкон ставить?! – в один голос простонали Нина с Лапкой.

– А как же? – уже сердито воскликнул Антон. – Таким образом мы двух зайцев убьем: и квартиру обезопасим, и Лапка перестанет висеть на балконе. Не знаю, как у тебя, а у меня у самого голова кругом идет, когда она с такой высоты вниз смотрит!

– Ну, так оно… – пробормотала Нина, понимая, что вообще согласится на все, если речь идет о безопасности Лапки.

– Тем более я уже договорился, – безапелляционно продолжал Антон. – Завтра в два часа придут мастера снимать размеры. Я специально приеду, с работы отпрошусь, чтобы тебе не думалось, будто это какие-нибудь киллеры к тебе

заявились.

Нина вскинула испуганные глаза. Антон сидел надутый. Эх ты, значит, запомнил ее глупый упрек тогда, в коридоре! Неужели это его задело? Неужели он о ней заботится? Ну, с Лапкой все ясно, но неужели его волнует и ее безопасность?

Сразу теплее стало на сердце, и Нина подумала, может, зря она так старательно соблюдает вооруженный нейтралитет и по-прежнему спит на самом краешке… правда, не Лапкиного диванчика, а супружеской кровати, но все равно – подальше от Антона. Может быть, есть смысл повернуться к нему сегодня вечером и как-нибудь особенно вздохнуть? Наверное, и его волнует затянувшаяся размолвка, только он по своей дурацкой замкнутости не может этого показать…

– Ну, как скажешь, – пожала она плечами. – Решетки так решетки.

Лапка сразу начала канючить, пришлось взять ее на руки и начать рассказывать ужастики про маленьких детей, которые спорили с папами и мамами, когда те хотели ставить решетки на окна, и родители их слушались, а потом капризули однажды возвратились с прогулки, а дома – пусто! Все вещи украдены, и даже книжки, даже игрушки исчезли.

– И мультики? – трепеща, спросила Лапка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/elena-arseneva/polunochnyy-lihach

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити